ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ 4-й. Воскресенье, 19 іюня 1927 года. **№ 25.**

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ ДРЕВНЕРУССКОМЪ БОГОСЛОВІИ.

Названное сочиненіе принадлежитъ перу покойнаго іеромонаха Тарасія (Курганскаго); оно было его кандидатской работой въ 1899-1900 годахъ, когда онъ въ санѣ іеромонаха оканчивалъ курсъ Казанской Духовной Академіи, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, — и впервые было напечатано въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ за 1903 годъ подъ заглавіемъ: „Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вѣковъ“. Іеромонахъ Тарасій былъ одаренъ блестящимъ талантомъ и обладалъ огромною начитанностью съ дѣтства, которое проводилъ въ Москвѣ въ старообрядческой семьѣ у отца и матери.

Окончивъ курсъ Московской гимназіи, онъ поступилъ въ Духовную Академію, а затѣмъ, побывъ полгода духовникомъ при каторжной тюрьмѣ въ Зерентуѣ за Нерчинскомъ, поступилъ на духовно-учебную службу и съ перваго же года прославился, какъ проповѣдникъ и лекторъ.

Онъ скончался въ Москвѣ 30 августа 1904 года въ званіи смотрителя Заиконоспасскаго духовнаго училища на 29 году своей жизни. Кромѣ предлагаемой кандидатской диссертаціи, онъ напечаталъ нѣсколько проповѣдей, а затѣмъ рядъ критическихъ статей въ Московскомъ духовномъ журналѣ „Вѣра и Церковь“ о сочиненіяхъ Милюкова „Очерки русской культуры“. Эти статьи были предметомъ его публичныхъ лекцій въ Житомірѣ и привлекали многочисленныхъ слушателей.

Мы не будемъ теперь распространяться о его прекрасной, высоконаучной диссертаціи, а укажемъ только на то, что при всей, просто невѣроятной по своему объему начитанности, 24-лѣтняго тогда автора въ Св. Библіи, св. отцахъ и въ богословской наукѣ, онъ не успѣлъ получить и принять во вниманіе одного весьма для него цѣннаго источника по исторіи догматическаго богословія, о которомъ здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ. — Разумѣемъ книгу іеромонаха Кирилла Транквиліона „Зерцало Богословія“, впервые напечатанное „въ монастыру Почаевскомъ“ въ 1617 году, а впослѣдствіи неоднократно переизданное и самимъ авторомъ, перешедшимъ, увы, въ уніатскую вѣру, и его дальнѣйшими единомышленниками,—переизданное въ искаженномъ видѣ съ явно латинскимъ направленіемъ.

Нашъ авторъ, іеромонахъ Тарасій, считалъ первыми представителями южнорусскаго богословія 17 вѣка только протоіерея Лаврентія Зизанія, автора Большого Катихизиса, и Митрополита Петра Могилу, автора Малаго Катихизиса, или такъ называемаго Православнаго Исповѣданія, которыхъ авторъ справедливо признаетъ первовиновниками римско-католическаго вліянія на наше школьное богословіе, сохранившагося въ немъ до послѣдняго времени, и представляетъ это вліяніе „малороссійскимъ“. Уже послѣ кончины нашего автора, или незадолго до нея, я могъ ознакомиться въ Почаевской Лаврѣ съ вышеупомянутой книгой Кирилла Транквиліона въ ея первоначальномъ видѣ и почитаю долгомъ засвидѣтельствовать, что она совершенно чужда латинскаго вліянія, такъ что называть послѣднее малороссійскимъ не вполнѣ справедливо.

I. „Зерцало Богословія“ іеромонаха Кирилла такъ же, какъ и прочія древнерусскія богословскія сочиненія, свободно отъ схоластическаго дѣленія христіанскаго богословія по отдѣламъ вѣры, надежды и любви;

II. Совершенно свободно отъ изъясненія нашего спасенія Господомъ Іисусомъ Христомъ въ юридическомъ смыслѣ, какъ это началось у насъ съ Лаврентія Зизанія („иже всѣя зизанія, т. е. плевела на полѣ церковномъ“ — слова одного стараго русскаго богослова);

III. „Зерцало“ не имѣетъ механическаго ученія о таинствахъ и не утверждаетъ ихъ седмеричнаго числа. Словомъ, оно несравненно ближе къ древлеотеческому богословію, нежели къ средневѣковому латинскому и современному школьному.

Въ помянутомъ „Зерцалѣ“ авторъ, изложивъ достаточно подробно православное ученіе о Богѣ, о Святой Троицѣ, о воплощеніи, переходитъ далѣе, по примѣру древнѣйшихъ отцевъ, а еще ранѣе — и мужей Апостольскихъ, къ изложенію понятія о двухъ царствахъ—Божіемъ и діавольскомъ—и ихъ взаимной борьбѣ, и подобно книгамъ Новаго завѣта и въ частности твореніямъ Ап. Іоанна, начинающимся съ ученія о Богѣ и Его Сынѣ и заканчивающимся Апокалипсисомъ то-есть пророчествомъ о борьбѣ царства Христова съ царствомъ діавола, съ каковымъ оттѣнкомъ изложено и IV-ое евангеліе.

Быть можетъ злосчастный переходъ Транквиліона въ римскую унію былъ причиной тому, что послѣдующіе южнорусскіе богословы не пользовались его „Зерцаломъ“, и оно вмѣстѣ со своимъ авторомъ предано было забвенію. *)

Содержаніе.

---

*) Настоящее предисловіе написано Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ). *Редакція.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общій характеръ богословія Московскаго и Кіевскаго.

Въ XVI столѣтіи Русская Помѣстная Церковь первый и, кажется, единственный разъ услышала могучій отголосокъ вселенскаго святоотеческаго богословія, а въ слѣдующемъ столѣтіи Кіевскіе схоластики положили въ Россіи начало школьной богословской наукѣ. Оба эти явленія, вызванныя чрезвычайными историческими обстоятельствами, имѣли совершенно различную судьбу. Богословіе Кіевское скоро проникло въ Москву; встрѣченное здѣсь недружелюбно и подозрительно, оно нашло сильную поддержку въ лицѣ почитателя запада Государя Петра І-го и при его содѣйствіи распространилось по всей Россіи и овладѣло учрежденной въ XVIII столѣтіи духовной школой, гдѣ съ небольшими видоизмѣненіями существуетъ и до сихъ поръ.

Совершенно иная участь постигла богословіе Московское. Ни одно изъ движеній русской мысли не имѣло противъ себя такихъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и ожесточенныхъ враговъ, какъ это свѣтлое и благородное направленіе богословскаго развитія русскаго общества. Осторожная подозрительность высшей духовной власти, невѣжественное суевѣріе народа, упадокъ монастырской жизни при Петрѣ I и, наконецъ, западническое теченіе всей русской жизни, сильно ослабило богословіе Московское. Блестящее въ XVI вѣкѣ, оно не имѣетъ уже сильныхъ выразителей въ слѣдующихъ вѣкахъ. Большой катихизисъ южно-русскаго ученаго Лаврентія Зизанія положилъ свой характерный отпечатокъ на мышленіе Московскихъ книжниковъ противъ ихъ воли и даже безъ ихъ вѣдѣнія. До чего дошло богословское невѣжество и формальное буквоѣдство въ XVII вѣкѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ печальная исторія русскаго раскола, такъ называемаго старообрядчества. Было бы крайнимъ легкомысліемъ и непростительнымъ непониманіемъ духа Церкви считать вожаковъ раскола продолжателями Московскихъ богослововъ XVI вѣка. Насколько намъ извѣстны ихъ тенденціи, религіозная доктрина раскола представляетъ печальную смѣсь крайняго Московскаго невѣжества, обоснованнаго на схоластическихъ формулахъ католическаго происхожденія. Если святоотеческое направленіе не исчезло въ Россіи совсѣмъ, то оно всегда представляло что-то совсѣмъ отдѣльное отъ богословской науки. Оно проявлялось главнымъ образомъ въ устной проповѣди, частной перепискѣ и даже частныхъ бесѣдахъ нашихъ наиболѣе просвѣщенныхъ духовно іерарховъ.

БОГОСЛОВЫ МОСКОВСКІЕ.

I.

Общія свѣдѣнія о нихъ.

„И слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы“ (1 Кор. 2, 4).

Памятуя принятіе отъ греческой Церкви благодати св. крещенія, Русская Церковь всегда смотрѣла на сокровища духовной мудрости греческихъ отцовъ, какъ на главный источникъ своего просвѣщенія. Поэтому, составляя въ опроверженіе ересей истинно православное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, наши богословы прежде всего обращались къ твореніямъ свв. отцовъ Церкви Восточной. Но такъ какъ ереси русскихъ лжеучителей представляли изъ себя, какъ видно изъ характеристикъ жидовствующихъ (Просвѣтитель) и Ѳеодосія Косого (Зиновій Отенскій), пустое и бездоказательное отрицаніе истинъ вѣры на почвѣ нравственной разнузданности и гнуснаго разврата, то русскимъ богословамъ приходилось цѣликомъ заимствовать изложеніе догматовъ изъ твореній греческихъ догматистовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя выдержки изъ свв. отцовъ въ твореніяхъ Іосифа Волоколамскаго и Зиновія Отенскаго, а блаженный Максимъ, положившій начало иноческой жизни на св. Аѳонѣ, имѣлъ возможность пользоваться святоотеческими твореніями въ подлинникахъ. На свои творенія они смотрѣли, какъ на сводъ святоотеческихъ ученій съ объяснительными для данныхъ обстоятельствъ примѣчаніями. „Азъ мало нѣчто собрахъ отъ Божественныхъ Писаній, сопротивно и обличительно еретическимъ рѣчамъ... собрахъ во едино отъ различныхъ Писаній Божественныхъ, яко да вѣдущіи Божественныя Писанія, прочетше, да воспомянутъ себѣ, невѣдующіи же прочетше, да разумѣютъ. И аще кому что потребно будетъ противу еретическимъ рѣчемъ и благодатію Божіею обрящетъ готово безъ труда въ коемуждо словѣ“ („Просвѣтитель“, 48). Другой защитникъ православія той эпохи, блаженный инокъ Зиновій такъ повѣствуетъ о своихъ разсужденіяхъ съ клирошанами, послѣдователями ересе-ученія Ѳеодосія Косого: „По прочтеніи же словесе Великаго Василія разыдохомся препочити, рекъ имъ пріити по днѣхъ нѣкоихъ, упразднитися мнѣ вмалѣ къ посту и прилежати къ молитвѣ, испросити благодати, яко да дастъ Господь слово къ отвѣту, якоже и прежнему словеси Великаго Василія, просивъ у Господа отвѣщевати“ („Истины показаніе“, 728 стр.) Максимъ Грекъ, какъ и всѣ лучшіе представители греческаго монашества, считалъ чтеніе святоотеческихъ твореній своимъ главнымъ занятіемъ и лучшимъ утѣшеніемъ. Какъ относился онъ къ дивнымъ, исполненнымъ силы и духовной красоты твореніямъ своихъ великихъ соплеменниковъ, лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія трогательныя строки, писанныя, повидимому, изъ заключенія: „Къ тому молю васъ Бога ради, послите ми на подержаніе Григорія Богослова, книгу греческую съ толкованіемъ, Бога ради послите ми ея“ (II т., 386 стр.).

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, фактъ несомнѣннаго заимствованія у греческихъ св. отцевъ и писателей, посмотримъ, сочиненіями какихъ именно авторовъ пользовались русскіе богословы XVI столѣтія. Въ „Просвѣтителѣ“ Іосифа Волоколамскаго мы находимъ выдержки почти изъ всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ отцовъ восточной Церкви; Зиновій Отенскій пользовался главнымъ образомъ аскетическими твореніями Великаго Василія. Творенія какихъ же именно церковныхъ писателей были въ XVI вѣкѣ въ русскомъ переводѣ и чѣмъ пользовался преп. Іосифъ въ своихъ многочисленныхъ ссылкахъ на событія церковно-историческія, чѣмъ особенно отличается 13 слово „Просвѣтителя“? На русскомъ языкѣ въ XVI вѣкѣ была обширная переводная литература и ею именно пользовался преп. Іосифъ,

почти всегда называя святоотеческія творенія писаніями божественными, тѣмъ самымъ выражая свое особенное къ нимъ уваженіе. Онъ, разумѣется, не смѣшивалъ съ ними книгъ библейскихъ, какъ видно изъ 5 и 6 словъ „Просвѣтителя"; онъ только утверждалъ, „яко святыхъ отецъ писанія истинна суть: понеже согласна суть пророческимъ и апостольскимъ писаніемъ". Помимо твореній святоотеческихъ пр. Іосифъ часто ссылался на патерики и хронографы. Отъ XVI столѣтія остались слѣдующія переводныя творенія, ссылки на которыя встрѣчаются въ „Просвѣтителѣ": Творенія Діонисія Ареопагита, Аѳанасія Великаго на аріанъ, Кирилла Іерусалимскаго, Василія Великаго постническія слова, Златоструй (собраніе словъ св. Іоанна Златоуста), Маргаритъ (его же), Лѣствица св. Іоанна Синайскаго, Исаака Сирина и др. Кромѣ того, отъ XVI столѣтія остались многочисленные прологи, лавсаики и патерики, откуда русскіе богословы почерпали свѣдѣнія историческаго порядка. Вліяніе перечисленныхъ нами авторовъ несомнѣнно; на нихъ существуютъ ссылки въ твореніяхъ русскихъ богослововъ, особенно преп. Іосифа, талантливѣйшаго изъ русскихъ догматистовъ. Что же касается до особеннаго, исключительнаго вліянія какого-либо отдѣльнаго отца на нашихъ богослововъ, то можно сказать, что вся догматическая часть „Просвѣтителя" заимствована изъ капитальнаго творенія преп. Іоанна Дамаскина. Большинство разсужденій Отенскаго инока Зиновія состояло въ истолкованіи аскетическихъ правилъ св. Василія Великаго, которыя, повидимому, были хорошо знакомы и оппонентамъ Зиновія. Относительно образованнѣйшаго изъ русскихъ авторовъ XVI вѣка блаженнаго Максима, можно сказать, что среди скорбныхъ обстоятельствъ своей жизни онъ мысленно переносился въ вѣкъ расцвѣта богословскаго вѣдѣнія и положительно жилъ идеями и понятіями IV вѣка. Обличая литинянъ въ употребленіи на евхаристіи опрѣсноковъ, онъ весьма искусно обвиняетъ ихъ въ тайномъ исповѣданіи лжеученія Аполлинарія. Это обстоятельство показываетъ, до какой степени преп. Максимъ проникся духомъ древне-церковныхъ преданій, а съ какою ревностью изучалъ онъ отеческія творенія, мы видѣли выше.

Помимо догматическихъ и аскетическихъ твореній св. отцовъ, богатымъ источникомъ истинныхъ понятій о предметахъ высшаго вѣдѣнія служили богослужебныя книги. Всѣ русскіе богословы XVI вѣка по своему внѣшнему положенію должны были знать божественную службу, а что они знали ее въ дѣйствительности, свидѣтельствуетъ житіе преп. Іосифа, гдѣ говорится, что нѣкоторое время послѣ пожара, истребившаго всѣ монастырскія книги, преп. Іосифъ правилъ службу наизусть. Но чтобы точно и пунктуально указать всѣ заимствованія изъ богослужебныхъ книгъ, нужно произвести особое изслѣдованіе, едва-ли важное по существу дѣла, такъ какъ сказаннаго нами вполнѣ достаточно для признанія богослужебныхъ книгъ (главнымъ образомъ Октоиха), какъ важнаго источника русскаго богословія XVI вѣка. Составленное, такимъ образомъ, исключительно по святоотеческимъ твореніямъ богословіе русское было святоотеческимъ и по своей формѣ. Это не требуетъ особыхъ доказательствъ, да и едва-ли важно, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Но помимо этого оно было святоотеческимъ и по духу, что составляетъ предметъ несомнѣнно исключительной важности.

II.

Церковность древнерусскаго богословствованія.

Какія именно творенія слѣдуетъ считать святоотеческими и до какой степени простирается авторитетъ святоотеческихъ мнѣній, это вопросъ очень важный. Преп. Максимъ Грекъ выставляетъ такіе признаки для признанія какого-либо творенія святоотеческимъ: „Подобаетъ вѣдѣти", пишетъ онъ, „яко всякое писаніе треми нѣкіими свойствы изрядно достовѣрное и твердо имать: аще убо отъ благовѣрнаго и соборнѣй Церкви знаема и знаменитаго списателя сложено бысть; второе: аще по всему согласуетъ, яко же предречеся, апостольскимъ догматамъ и преданіемъ; третіе: аще кто само къ себѣ по всему согласуетъ, а нигдѣ же различествуетъ" (III, 127). Преп. Іосифъ Волоцкій, какъ мы имѣли случай видѣть выше, главный признакъ достоинства святоотеческихъ твореній усматриваетъ въ ихъ согласіи съ писаніями апостольскими и пророческими. При всей важности указанныхъ признаковъ ихъ нельзя назвать безусловно существенными: они опредѣляютъ внѣшнія свойства святоотеческихъ твореній, отличающія ихъ отъ произведеній не имѣющихъ отеческаго авторитета, но отнюдь не выражаютъ ихъ внутренняго духа, однимъ имъ присущаго. Личность автора, конечно, имѣетъ здѣсь тоже не маловажное значеніе: произведенія еретиковъ или представителей чуждаго благочестію пониманія жизни, внѣшнихъ философовъ, никогда не могутъ считаться твореніями святоотеческими, хотя бы явно и не противорѣчили слову Божію, но здѣсь важно только православіе, а не знаменитость автора, ибо постановленія архіеп. Ѳеофила Александрійскаго, знаменитаго въ отрицательномъ смыслѣ, считаются писаніями каноническими наравнѣ съ постановленіями принимаемыхъ Соборовъ. Согласіе съ апостольскими и пророческими писаніями скорѣе служитъ признакомъ уже принятыхъ твореній, а вовсе не критеріемъ, такъ какъ историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что не было еще на почвѣ христіанства ни одного лжеученія, не старавшагося опираться въ своихъ разсужденіяхъ на слово Божіе. Что же касается третьяго признака, то онъ чрезвычайно важенъ, когда за святоотеческія творенія выдаютъ произведенія совершенно чуждыя смысла и полныя внутреннихъ противорѣчій; но вообще его незачѣмъ подчеркивать, ибо это признакъ общій для всѣхъ произведеній здраваго человѣческаго разума. Намъ кажется, что важнѣйшимъ и существеннымъ признакомъ святоотеческихъ твореній служитъ ихъ внутренняя, какъ бы органическая связь съ ученіемъ Церкви. Только тѣ творенія можно считать отеческими въ строгомъ смыслѣ, гдѣ какъ бы исчезаетъ личность автора, гдѣ онъ какъ бы сливается со всей Церковію и говоритъ отъ ея лица не въ силу своего положенія въ Церкви, а по глубокому и непреодолимому влеченію духа. Только тотъ церковный писатель можетъ быть названъ отцемъ Церкви, который въ своей жизни видитъ исключительно жизнь Церкви и который всю жизнь, всѣ событія разсматриваетъ и оцѣниваетъ съ точки зрѣнія церковной жизни. Намъ кажется, что этими свойствами въ значи-

тельной степени обусловливается личная святость авторовъ. Все же индивидуальное, написанное даже знаменитымъ и несомнѣнно святымъ авторомъ, хотя и представляетъ чрезвычайный интересъ для психологіи благочестивой души, не имѣетъ общецерковнаго значенія. А творенія, носящія слѣды личныхъ недоразумѣній и омраченныя духомъ вражды, могутъ быть отнесены къ разряду обычныхъ литературныхъ памятниковъ, въ отношеніи же къ личности авторовъ — это просто доказательство человѣческой немощи.

Русскіе богословы XVI столѣтія смотрѣли на земную жизнь съ точки зрѣнія ея высокаго назначенія. Для нихъ не существовало національныхъ интересовъ, политической вражды, патріотическаго самолюбія; прежде всего они видѣли Вселенскую Церковь, лучами своей благодати озаряющую весь міръ. Преп. Іосифъ склоненъ любить свое отечество постольку, поскольку оно служитъ цѣлямъ вселенскаго православія и представляетъ собою любимую дщерь Церкви Восточной. Разсуждая о судьбахъ своего отечества, онъ съ горечью говоритъ: „По всѣмъ же странамъ спасенія проповѣдь евангельская изыде и вси отъ тмы идольскія избавлены быша и свѣтомъ богоразумія озаришася, точію же русская земля помрачашеся тмою идолобѣсія, и скверными дѣлы до конца осквернена сущи. И много убо время прейде по вознесеніи на небо Единороднаго Сына (29)“. Потомъ продолжаетъ съ радостію о крещеніи Руси, какъ объ особой чрезвычайной милости Живоначальной и достопокланяемой Троицы. И, наконецъ, съ восторгомъ утверждаетъ великое благочестіе и вѣрность вселенскому православію юной помѣстной Церкви. „Отъ того времени“, пишетъ онъ (т. е. отъ крещенія Руси), „солнце евангельско нашу землю осія и апостольскій громъ насъ огласи и божественныя церкви, и монастыри составишася и быша мнози святителіе же и преподобніи чудотворцы и знаменосцы и якоже златыма крылома на небеса возлетаху, и якоже древле нечестіемъ всѣхъ превзыде Русская земля, тако и нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ. Во инѣхъ же странахъ, аще и мнози бяше благочестиви и преподобни, но мнози бѣаху нечестиви и невѣрни, съ ними живуще и еретическая мудрствующе; въ Рустѣй же земли не токмо веси и села мнози и несвѣдоміи, но и гради мнози суть, иже Единаго Пастыря Христа едина овчата суть, и вси единомудрьствующе и вси славяще святую Троицу, еретика же или злочестива нигдѣ же никто видѣлъ есть“ (31). Далѣе начинается горестное повѣствованіе о началѣ „ереси“ жидовствующихъ, какъ о нарушеніи церковнаго мира и тяжкой хулѣ на церковное ученіе. Преп. Іосифъ смотритъ на Московскій Успенскій соборъ какъ на земное небо, вслѣдствіе его значенія для Церкви русской, а со времени оскверненія храма Премудрости—Бога Слова и для Вселенской Церкви. Скорбя о печальномъ равнодушіи митрополита Геронтія и объ оскверненіи святительскаго престола еретикомъ Зосимою, онъ вспоминаетъ святителей Петра и Алексія, въ которыхъ видитъ не приверженцевъ Москвы и сторонниковъ единодержавія, а прежде всего — учителей Церкви, истолкователей божественной истины. „Отлетѣша отъ насъ“, пишетъ пр. Іосифъ, „яко щурове добропѣсниви, яко славіе великогласніи, яко ластовици сладкоглаголовіи, божественніи святителіе и велицiи чудотворци, Петръ и Алексіе и иніи православніи святителіе, иже посреди сада церковнаго оглашающе уши слышащихъ православія ученіе. Отлетѣша, яко орли крилатіи, иже когти своими истерзающе очеса не зрящихъ право смотреніе Христово, отлетѣша къ Христу, иже крилы покрывающе вѣрныхъ множество и оставиша насъ сиры“ (43). Столь бѣдственное положеніе русской Церкви вслѣдствіе недостоинства, отличавшаго преемника великихъ іерарховъ, заставило пр. Іосифа выступить какъ бы отъ лица Церкви съ своимъ „Просвѣтителемъ“.

То же самое настроеніе въ духѣ глубочайшаго церковнаго пониманія всей жизни отличаетъ и творенія блаженнаго Максима. Судьба южной Европы, юго-западной Азіи и сѣверо-восточной Африки, однимъ словомъ, древней „вселенной“ его интересуетъ исключительно потому, что въ этихъ мѣстахъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, являлся блескъ полнаго развитія церковной жизни. Какой неподдѣльной скорбью и задушевной горечью звучатъ всѣ его разсужденія объ упадкѣ церковной жизни. „Гдѣ же въ благовѣріи и честности боголѣпнѣй возсіявшая красота вкупѣ и слава бывшихъ вѣрныхъ въ Іерусалимѣ, и Александріи, и Египтѣ, и Ливіи, и Антіохіи? Гдѣ теплота она и ревность божественная возсіявшихъ въ постѣ, въ скитѣ и въ горнѣй Ѳиваидѣ, и въ различныхъ странахъ и горахъ, богоносныхъ и равноангельныхъ отецъ нашихъ? Гдѣ, яже въ благовѣріи возрастшая высота преславная и похвала всѣхъ западныхъ языкъ, святая, глаголю, соборная и апостольская Церковь ветхаго Рима? Что не глаголю больше всѣхъ бывшихъ на землѣ преславныхъ слышаній и видѣній? Гдѣ высота и неприкладная слава, елика въ области и премудрости и всякой добродѣтели и благозаконіи и православнѣй вѣрѣ царствія православныхъ христіанъ царей, — царствовавшихъ во всеславнемъ и благочестнѣмъ градѣ Константина Великаго? Гдѣ всемірный онъ свѣтъ благовѣрія, иже подобнѣ солнцу осіявая вселенную всю архіерействовавшими въ немъ равно-ангельными святители... Гдѣ убо нынѣ, яже паче ума и слова тогда совершахуся въ немъ отъ Пречистыя Божія Матере Іисуса, избавляющія его паче надежди частыхъ нахожденій варварскихъ? Чего ради не возстаетъ Градохранительница и Владычица того на заступленіе и избавленіе всяко?“ Причину столь печальнаго положенія апостольскихъ престоловъ блаженный Максимъ усматриваетъ не въ естественныхъ политическихъ обстоятельствахъ эпохи, а въ исполненіи особыхъ плановъ домостроительства Христова, вызванныхъ грѣхами чадъ Церкви. На всѣ вышеприведенные вопросы онъ даетъ одинъ отвѣтъ: „Преже дерзнутыхъ ради въ немъ, нашими прародители неизцѣльныхъ беззаконній“. Приведенныя выдержки свидѣтельствуютъ о глубинѣ церковнаго міровоззрѣнія и міропониманія разсматриваемыхъ нами авторовъ. Но этого мало: всѣ существующіе устои общественной жизни обсуждаются съ строго церковной точки зрѣнія. Въ силу строго-церковнаго строя жизни, не видя необходимости отдѣлять церковную жизнь отъ государственной, ибо Церковь представляла собою все, а государство лишь дань человѣческой ограниченности, пр. Іосифъ и правительственную власть почитаетъ, поскольку она является слугою Церкви, но „аще ли же есть царь надъ человѣки царствуя, надъ собою же имать царствующа скверныя

страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ, невѣріе и хулу, таковый царь не Божій слуга, но діаволъ, и не царь, но мучитель. Таковаго царя, лукавства его ради, не нарече царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ... (I, 133—135). Таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертію предать" (287). Предъ ревностью о славѣ Церкви должны отступить и родственныя узы: „Се есть врази, иже егда отецъ и мать, или сынъ, или дщерь совратится отъ правыя вѣры, подобаетъ ненавидѣти ихъ, и отвращатися, и бѣгати отъ нихъ, яко да не съ ними погибнемъ" (474). Мало того,—самое дорогое для чувства пр. Іосифа, — іерархическій принципъ церковной дисциплины сохраняется дотолѣ, пока іерархія соотвѣтствуетъ своему высокому назначенію. Несмотря на свой игуменскій санъ, Волоцкій настоятель не постѣснился выступить обличителемъ всероссійскаго митрополита, когда тотъ оказался еретикомъ, и, какъ основное начало каноническаго міровоззрѣнія преп. Іосифа, слѣдуетъ считать его мысль, что іерархическія преимущества дѣйственны только при условіи вѣрности Церкви. Относительно же священниковъ и епископовъ, нарушившихъ эту вѣрность, онъ повторяетъ слова св. Аѳанасія Великаго: „Уне есть безъ нихъ собиратися въ храмъ молитвенный, неже съ ними вобрещися, яко съ Анною и Каіафою въ геенну огненную" (272).

III.

Источникъ разумѣнія богооткровенныхъ истинъ—созерцаніе.

Проникновеніе духомъ Церкви, вводящей человѣка въ область явленій божественныхъ, давало святымъ отцамъ особую силу познанія, почти невѣдомую остальному человѣчеству. Сила эта—созерцаніе. Въ области мірской къ ней отчасти приближается вдохновеніе поэтовъ, далеко, впрочемъ, уступающее созерцанію по чистотѣ, а, слѣдовательно, по силѣ. Первое условіе созерцательнаго вѣдѣнія — это *благочестіе*, а главная сила благочестія—*молитва и чтеніе* Божественныхъ Писаній. Нужно замѣтить, что вожди созерцательной жизни не раздѣляютъ эти два дѣланія, дѣйствительно невозможныя одно безъ другого. „Въ отношеніи къ Божественному Писанію то, чтобы читать оное, въ нашей состоитъ власти, а то, чтобы понимать читаемое, и отъ насъ зависитъ и не отъ насъ. Отъ насъ зависитъ стараніе и вниманіе, какія надлежитъ имѣть при чтеніи; то же, чтобы понимать читаемое, есть дѣло благодати Божіей... Чтеніе научаетъ человѣка тому, что руководитъ его къ Богу и дѣлаетъ Божіимъ; молитва дѣлаетъ то, что Богъ милосердствуетъ къ человѣку и просвѣщаетъ умъ его, чтобы понималъ и помнилъ прочитанное. То, что написано объ иныхъ мірскихъ дѣлахъ, читающіе могутъ понимать и сами, но вещей божественныхъ и спасительныхъ никому невозможно понять или помнить безъ просвѣщенія отъ Святаго Духа" (43 сл. Симеона Нов. Богослова). Это драгоцѣнное свидѣтельство принадлежитъ преп. Симеону, за созерцательную силу своихъ твореній получившему наименованіе Новаго Богослова. По сравненію съ обычнымъ способомъ человѣческихъ изслѣдованій, созерцаніе есть путь совершенно особый, стоящій внѣ обычныхъ условій. Св. Исаакъ говоритъ объ этомъ такъ: „Когда умъ обновленъ и сердце освящено, тогда всѣ возникающія въ немъ понятія возбуждаются сообразно съ естествомъ того міра, въ который вступаетъ онъ. Сперва возбуждается въ немъ любовь къ божественному, и вожделѣваетъ онъ общенія съ ангелами и откровеніе тайнъ духовнаго вѣдѣнія тварей, и возсіяваетъ въ немъ созерцаніе таинъ Святыя Троицы, также таинъ достопоклоняемаго ради насъ домостроительства и потомъ всецѣло входитъ въ единеніе съ вѣдѣніемъ надежды будущаго" (Слово 55 посл. къ преп. Симеону). Вѣдѣніе созерцательное постоянно считалось особымъ даромъ божественной благодати, а отнюдь не обычнымъ развитіемъ психическихъ силъ. Что мнѣніе это справедливо, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Антонія Великаго: „Я молился о васъ, да сподобитесь и вы получить того великаго и огненнаго Духа, котораго получилъ я. Если хотите Его получить такъ, чтобы Онъ пребылъ въ васъ, принесите прежде труды тѣлесные и смиреніе сердца и восторгая помышленія свои на небо день и нощь, взыщите съ правотою сердца Духа сего огненнаго, и Онъ дастся вамъ. Симъ образомъ получилъ Его Илія Ѳесвитянинъ и Елисей съ прочими пророками. Кто воздѣлываетъ себя этимъ воздѣлываніемъ, тому дается Духъ сей навсегда и навѣки. Пребудьте въ молитвахъ съ преболѣзненнымъ исканіемъ отъ всѣхъ сердецъ вашихъ, и дастся вамъ, ибо Духъ тотъ обитаетъ въ правыхъ сердцахъ. И Онъ, когда принятъ будетъ, откроетъ вамъ высшія тайны и будете въ этомъ тѣлѣ, какъ тѣ, кои уже находятся въ Царствіи" (Доброт. т. I, 34). Мы вправѣ считать святоотеческое богословіе созерцательнымъ, такъ какъ сами отцы смотрѣли на созерцаніе, какъ на главное условіе истиннаго познанія божественныхъ явленій. „О Немъ (т. е. о Богѣ), пишетъ св. Григорій Богословъ, могутъ разсуждать только опытные, успѣвшіе въ созерцаніи, а прежде всего,— чистые душой и тѣломъ, или по крайней мѣрѣ очищающіе себя" (О Богословіи слово 1). Если мы посмотримъ на творенія русскихъ отцовъ XVI вѣка съ точки зрѣнія ихъ метода, то увидимъ, что всѣ они запечатлѣны духомъ высокаго созерцанія. Мы видѣли уже выше, что блаженный инокъ Зиновій приготовлялся постомъ и молитвою къ бесѣдѣ съ послѣдователями Ѳеодосія Косого. Пр. Іосифъ Волоцкій съ особенною настойчивостью проводитъ мысль о необходимости духовныхъ подвиговъ для тѣхъ, которые пытаются изслѣдовать содержаніе христіанскаго ученія. „Еже убо Божественная Писанія насъ поучаютъ и законополагаютъ извѣстно и непокровенно, сихъ подобаетъ въ законъ пріимати и хранити. А еже покровенно вѣщаютъ и въ притчу и въ прилучай, или премудростію глаголютъ, о сихъ подобаетъ Богови молити съ смиреніемъ и многимъ трудомъ, и съ совѣтомъ искусныхъ, дѣломъ паче, а не словомъ навыцати: потаена же святыми Писаніи никакоже искати, сколько бо есть се. Якоже рече великій апостолъ: „тѣмъ же убо, о человѣче, кто сей, отвѣщая Богови? Но паче отрицатися сего, яко недостойнымъ сущимъ. Много бо суть повѣдома и неизреченна таинства въ божественномъ Писаніи, ибо хотяй увѣдѣти волю Божію и разумъ Божественныхъ Писаній, якоже рече Лѣствичникъ, долженъ есть прежде отъ страстей себе очистити сохраненіемъ божественныхъ заповѣдей и вниманіемъ, и

мнозѣмъ о Бозѣ упражненіемъ, и безмолвіемъ, и слезами, и смиренномудріемъ и страхомъ Божіимъ: душа бо чистотою соединившися Богови, слова иного не востребуетъ къ ученію, присносущное слово Учителя и Наставника и просвѣщеніе въ себѣ носяще блаженнаго. И тако страстнаго помышленія мракъ отрясше, невещественнѣ приступимъ неложному Учителю истинѣ; Учитель же есть Христосъ, составная премудрость Божія, въ Немъ же вся сокровища разума сокровенна суть, якоже Самъ рече: „Ему же хощетъ Сынъ, открыетъ, безъ Него же глаголяй разумѣти, солга: гаданіемъ бо глаголетъ, а не истинно, отъ мнѣнія безмѣрнаго хвалится. Къ нему же бо Богословъ Григорій глаголетъ: „не возносися на богоразуміе, сказаніе укоряя, скотно бо и криво рече, еже не внимати силѣ разуму, но чернилу письменъ. И отъ того точію безумно, кто надѣется мудръ быти, а еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него, понеже не хочетъ рещи: не вѣмы, яко же вси святіи вѣдуще, глаголаху: ни что же вѣмы. И аще гдѣ и потаена суть и сокровенна отъ насъ словеса въ Божественномъ Писаніи, и се Богъ на множайшую пользу сотвори; яко да не множае осуждены будемъ, въ разумѣ преступающе; понеже, иже сподобился есть разуму и не подвизается, якоже прежніи святіи отцы наши, въ постѣ, и въ молитвахъ, и въ цѣломудріи, и въ смиреніи, таковый, яко не достоинъ, съ прещеніемъ изгоняется отъ благодати Святаго Духа, якоже Саулъ отъ царства, рече св. Максимъ“ (Слово 8). Приведенная выдержка ясно свидѣтельствуетъ, что единственнымъ источникомъ богословскаго разумѣнія пр. Іосифъ считаетъ аскетическое созерцаніе, о раціоналистическомъ же изслѣдованіи Библіи былъ самаго невысокаго мнѣнія.

Несомнѣнное господство созерцательнаго святоотеческаго метода и признаніе за нимъ всей доступной человѣку глубины божественныхъ знаній дѣлало представителей русскаго богословія весьма осторожными въ отношеніи къ другимъ источникамъ богословскаго вѣдѣнія. Даже блаженный Максимъ, самъ нѣкоторое время слушавшій науки въ Италіи, совѣтуетъ остерегаться произведеній латинскихъ авторовъ, какъ зараженныхъ чуждыми истинѣ понятіями. „Латыни“, пишетъ онъ, „много прельстилися внѣшними учительствы, и не подобаетъ вамъ внимати ихъ ученіемъ, ниже преводити ихъ на русскій языкъ; берегитеся отъ нихъ якоже отъ гангрены и злѣйшія коросты, аще хочете чиста пшеница, а не плевели обрѣстися въ день жатвы“ (III, 232). Подъ „внѣшними учительствы“ блаженный Максимъ разумѣлъ не какія—либо знанія изъ области наукъ положительныхъ, не имѣющія въ своемъ прикладномъ назначеніи никакого отношенія къ благочестію, а поэтому не могущія быть въ этомъ отношеніи ни вредными, ни полезными,—а схоластическій методъ богословія, отягчающій христіанство множествомъ понятій раціоналистическихъ, чуждыхъ духу божественной истины. Что догадка наша не только правдоподобна, но и вполнѣ справедлива, это можно видѣть изъ описанія латинскихъ духовныхъ школъ, которыя бл. Максимъ видѣлъ, проживая въ Италіи. Упомянувъ о заповѣди Апостола (Кол. 2, 8) остерегаться внѣшней философіи въ дѣлѣ познанія истины, онъ продолжаетъ „Ни ли тою латинскіи сынове ходятъ днесь и превращаютъ апостольскую истину? Иди умомъ къ училищемъ италійскимъ и тамо узриши по подобію потоковъ текущихъ, наипаче потопляющихъ Аристотеля и Платона и иже окрестъ ихъ. И никая въ нихъ догма крѣпка непщуется, ни человѣческая, ни божественная, аще ни аристотельскіе силлогизмы тѣмъ утвердятъ сію догму. И аще не согласится съ художественнымъ,—или яко худѣйше то отринуша, или, еже видится сопротивно быти художеству, сіе отсѣцающе къ угожденію аристотельскаго художества премѣниша, и яко истинѣйше, заступаютъ. И что убо тебѣ возглаголю, елико беззаконнуютъ днесь латинскіи сынове, отъ философіи тщетнаго прельщенія прельщаеми по Апостолу, о безсмертіи души и о наслажденіи праведныхъ будущемъ, и о строеніи вѣрныхъ отъ настоящей жизни отходящихъ, яже вся страждутъ, занеже послѣдуютъ паче внѣшнему діалектическому вѣдѣнію, неже внутренней церковной и богодарованной философіи“ (I, 247). Въ пристрастіи къ внѣшней философіи, въ богословскомъ раціонализмѣ, въ измѣнѣ обще-церковному преданію, пріемлемому и усвояемому чрезъ послушаніе и молитву, видитъ бл. Максимъ главную причину гибели западныхъ христіанъ. Его опредѣленіе церковныхъ догматовъ, „какъ внутренней богодарованной философіи“, весьма характерно. Дѣйствительно, дарованное Богомъ чрезъ ученіе апостоловъ содержаніе христіанскихъ догматовъ усваивается внутреннимъ подвигомъ молитвъ и созерцанія и потому никоимъ образомъ не можетъ быть преподано путемъ внѣшнихъ схоластическихъ доказательствъ, ибо, какъ говорили мы выше, божественное вѣдѣніе есть область особаго міра, особыхъ явленій, а слѣдовательно и особыхъ понятій. — Такимъ образомъ русское богословіе въ XVI вѣкѣ носило строго созерцательной характеръ. Главнымъ условіемъ для правильнаго пониманія Христовой истины признавалось благочестіе. При изученіи Св. Писанія за лучшій способъ его познанія считали молитву. Всякое ученіе, чуждое Церкви, отвергали безъ всякихъ размышленій, хотя бы оно и не противорѣчило писаніямъ предшествующихъ отцовъ, вполнѣ справедливо полагая, что не можетъ быть истинъ внѣ Церкви, которую Господь создалъ, какъ столпъ и утвержденіе истины... Появленіе же богословскихъ *системъ* пр. Іосифа и бл. Зиновія было вызвано возникновеніемъ ересей жидовствующихъ и Θеодосія Косого и прежде всего было полемическимъ движеніемъ противъ враговъ Церкви. Чтобы яснѣе видѣть, какъ тѣсно примыкали русскіе богословы въ этомъ отношеніи къ св. отцамъ, нужно изложить вкратцѣ знаменитѣйшія системы послѣднихъ.

IV.

Святоотеческія системы христіанскаго ученія.

Полнота божественной истины, доступной человѣческому разуму, раскрывается въ жизни Вселенской Церкви. Усвоеніе этой истины отдѣльными людьми возможно лишь въ живомъ пріискреннемъ единеніи съ церковнымъ тѣломъ. Поскольку каждый отдѣльный человѣкъ живетъ жизнью Церкви, поскольку онъ пріобщается духу великой вселенской истины, возвѣщенной человѣчеству вочеловѣчившимся Словомъ,—истина эта — Самъ Господь Христосъ, истина въ основанной Имъ жизни. Поскольку же отдѣльная личность обосновываетъ свое индивидуальное

бытіе хотя бы на началахъ строго-библейскихъ, она дѣлается чуждой Церкви, а затѣмъ и самой Библіи, и божественная истина дѣлается для нея неясною. Утративъ свѣтъ, человѣкъ начинаетъ искать его, но не тамъ, гдѣ онъ пребываетъ. Когда человѣкъ съ особенною силою утверждаетъ свою индивидуальность? Когда въ немъ оскудѣваетъ любовь, а любовь оскудѣваетъ за умноженіемъ беззаконій. Вслѣдъ за оскудѣніемъ любви является гордыня ума, стремящагося дать отвѣты на всѣ возможные вопросы, хотя бы по существу дѣла не имѣющіе никакого отношенія къ благочестію. Таково происхожденіе ереси. Церковь никогда не оставалась равнодушной зрительницей человѣческой гибели и, снисходя къ немощи страстей, не отказывалась давать правильное разрѣшеніе вопросовъ, часто неправильно поставленныхъ и по самому смыслу составляющихъ болѣе предметъ любознательности, чѣмъ дѣйствительное требованіе истолкованія благочестивой жизни. Наиболѣе ревностные учители Церкви, скорбя о раздраніи „нешвеннаго хитона" Владыки, излагали подробно рѣшеніе Церкви относительно затронутыхъ вопросовъ. Таково происхожденіе полемическаго богословія. Его главное отличіе отъ разобраннаго нами вѣдѣнія созерцательнаго, которое имѣетъ начало совершенно независимое отъ какихъ-либо внѣшнихъ событій, заключается во внѣшнемъ сходствѣ съ произведеніями внѣшнихъ философовъ, ибо еретики древніе строили свои доктрины на почвѣ эллинской философіи. Борясь съ еретиками на ихъ почвѣ и ихъ орудіемъ, свв. отцы явили примѣръ крайняго снисхожденія, но никогда не забывали, что главная сила Церкви—благочестіе и единственное вѣдѣніе—созерцаніе. Всѣ вопросы, затронутые еретиками, свв. отцы рѣшали съ точки зрѣнія чисто церковной и на основаніи опыта благоговѣйныхъ созерцаній. Св. Григорій Нисскій пишетъ объ этомъ: „Поелику Севиръ имѣетъ въ виду однѣ голыя выраженія и поставляетъ благочестіе въ одныхъ словахъ и звукахъ, вопреки слову Апостола: не въ словеси бо Царствіе Божіе, но въ силѣ и истинѣ (1 Кор. 4, 20), потому что у этого Севира тотъ считается отличнѣйшихъ богослововъ, который изучилъ хорошо аристотелевы категоріи и прочія хитросплетенія языческихъ философовъ; то намъ необходимо значеніе каждаго выраженія, обычно принятое въ ученіи Севира, заблаговременно объяснить по разуму церковныхъ учителей" (Оглас. сл. 192). Съ того времени, какъ число ересей умножилось, и въ пытливости человѣческаго ума, стремящагося постигнуть таинства христіанства безъ прохожденія пути дѣятельности любомудрія, явился постоянный источникъ новыхъ лжеученій, стало необходимымъ представить ученіе Церкви въ соотвѣтсвенномъ стройномъ видѣ системы. Это впервые состоялось въ IV вѣкѣ трудами святителя Григорія Нисскаго, ибо предшествующій опытъ христіанской системы, знаменитое твореніе Оригена, есть скорѣе изложеніе христіанскихъ началъ по сравненію съ принципами язычниковъ. Св. Григорій Нисскій изложилъ въ своемъ „Великомъ Огласительномъ Словѣ" ученіе Церкви, какъ истинное истолкованіе Христова ученія, въ противовѣсъ ложнымъ и исполненнымъ заблужденій системамъ еретиковъ. Устанавливая правильное, строго-церковное пониманіе тѣхъ вопросовъ, которые были затронуты еретиками, Св. Григорій дѣлаетъ изъясненіе самой сущности христіанства, большую часть своей системы посвящая изложенію истиннаго понятія о сошествіи на землю и вочеловѣченіи Божія Слова и о возрожденіи человѣка въ церковной жизни, съ особенной силою проявляющемся въ священнодѣйствіяхъ Крещенія и Евхаристіи. Св. отецъ, несмотря на свои исключительныя дарованія въ систематизаціи христіанскихъ истинъ, тѣмъ не менѣе признаетъ всю трудность представить систему, вполнѣ удовлетворяющую всѣмъ духовнымъ нуждамъ вѣка... „Не всѣмъ приступающимъ къ просвѣщенію приличенъ будетъ одинъ и тотъ же образъ наученія, но по различію вѣрованій должно измѣнять оглашеніе, имѣя ввиду одну и ту же цѣль наставленія, но не одинаково пользуясь доказательствами. Ибо иными понятіями водится іудействующій, и иными живущій въ еллинствѣ. Да и аномей, и манихей, и мархіониты, и послѣдователи Валентина и Василида и прочіе сонмы заблуждающихся еретиковъ, водящіеся особыми понятіями, заставляютъ порознь вступать въ борьбу съ ихъ мнѣніями. Посему по роду болѣзни должно употреблять и способъ врачеванія. Не однимъ и тѣмъ же уврачуемъ и многобожіе еллина и невѣріе іудея въ Единороднаго Сына Божія и не однимъ и тѣмъ же ниспровергнемъ обольстительныя, вымышленныя басни заблудшихъ еретикъ относительно догматовъ. Ибо чѣмъ кто могъ бы исправить Савеллія, то самое не принесетъ пользы аномею, и борьба съ манихеемъ безполезна противъ іудея (Огл. сл. 3)". Такимъ образомъ, система предназначалась главнымъ образомъ для борьбы съ врагами истины, которыхъ подлежало обратить, или для тѣхъ чадъ Церкви, которыя по легкомыслію, по упадку благочестія, или обольщенные хитросплетеніями еретиковъ, были склонны къ отпаденію. Само же въ себѣ христіанство представлялось св. Григорію какъ жизнь, исполненная духа и силы, а отнюдь не какъ доктрина, хотя бы и безукоризненная по согласію съ евангельскимъ ученіемъ. Говоря о возникновеніи Церкви, онъ восклицаетъ: „Водворилось высокое любомудріе совершаемое болѣе дѣломъ, нежели словомъ" (92), и въ развитіи христіанской жизни св. отецъ видитъ главную опору Божественнаго происхожденія Церкви. Говоря о подвигахъ мучениковъ, скорѣе соглашавшихся утратить эту временную жизнь, чѣмъ отказаться отъ Христа, онъ справедливо полагаетъ, что этому они не стали бы подвергаться, не имѣя яснаго, несомнѣннаго доказательства Божественнаго пришествія (92). Какія же доказательства имѣли мученики? Конечно, не философски обоснованныя системы. а созерцательныя откровенія, даруемыя Богомъ за ихъ чистоту и ревность. Первомученикъ Стефанъ видѣлъ, какъ свидѣтельствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, Христа, а что это было не единственнымъ событіемъ въ жизни мучениковъ, свидѣтельствуетъ полная чудесъ исторія страстотерпцевъ. Свобода возрожденнаго духа, всегда присущая Церкви, сказалась и въ первой системѣ православнаго богословія. Въ Великомъ Огласительномъ словѣ св. Григорія нѣтъ пристрастія къ словамъ и буквализму, который служитъ лучшимъ показателемъ скудости духа и рабскаго отношенія къ Христову ученію. Какой степени высоты и дѣйствительной свободы достигаетъ Св. Григорій, лучше всего видно изъ его отношенія къ точности наименованія Божества, что было особенно

важно въ виду развитія аріанскихъ смутъ. „Итакъ, если размыслишь о природѣ существъ, небесныхъ ли то, или подземныхъ, или находящихся въ каждомъ изъ означенныхъ концовъ вселенной, то уму твоему всюду встрѣчается Божество, вездѣ представляющееся единымъ въ существахъ и все содержащимъ въ бытіи. Посему Божествомъ-ли должно наименовать сію природу, или словомъ, или силою, премудростію, или какимъ-либо другимъ возвышеннымъ и способнымъ болѣе выразить верховное существо свойствомъ и именемъ, наше слово нимало не споритъ о звукѣ, или имени, или образѣ выраженій" (143). Но, имѣя полную свободу относительно выраженія обще-церковныхъ вѣрованій и разсуждая о понятіяхъ, а не о словахъ, святитель Григорій крайне неохотно разрѣшаетъ вопросы, въ которыхъ хоть сколько-нибудь затрогивается человѣческая любознательность. Мы выше замѣтили, что онъ съ необыкновенною и единственною полнотою развилъ ученіе о спасеніи человѣка чрезъ вочеловѣченіе Бога. Но что касается до вопроса о причинѣ вочеловѣченія, вопроса, столь естественнаго съ точки зрѣнія человѣческаго мышленія, то разрѣшать его св. Григорій не считаетъ необходимымъ. На предполагаемый вопросъ, почему именно Сынъ Божій явился человѣкомъ среди людей, св. Григорій даетъ отвѣтъ въ духѣ Христовой Церкви, всегда чуждавшейся безполезнаго для благочестія любопытства. „Если человѣколюбіе есть признакъ, свойственный Божественной природѣ, то имѣемъ причину явленія Бога среди людей, ибо подвергшаяся немощи природа наша имѣла нужду во врачѣ; падшій человѣкъ имѣлъ нужду въ возстановителѣ, уклонившійся отъ жизни нуждался въ животворителѣ; отторгшійся отъ общенія съ добромъ нуждался въ руководителѣ къ добру; заключенный во тьмѣ имѣлъ нужду въ присутствіи свѣта, плѣнникъ требовалъ искупителя, узникъ—помощника, одержимый игомъ рабства—освободителя" (76). Но когда это вдохновенное исповѣданіе высшей истины благочестія оказалось малоудовлетворительнымъ для пытливости человѣческаго мышленія, не имѣющаго весьма часто направляющей силы, и прежній вопросъ раздался съ большей настойчивостью, св. Григорій говоритъ: „Достаточно было бы сказать, что страждущіе не предписываютъ своимъ врачамъ образа дѣйствованія и не спорятъ съ своими бладѣтелями о способѣ врачеванія, т. е. для чего врачъ прикоснулся къ больной части и придумалъ къ истребленію недуга это именно, а не другое приличное средство; напротивъ, взирая на благодѣтельное послѣдствіе, съ благодарностью пріемлютъ пособіе. Но поелику, какъ говоритъ пророкъ, обиліе благости Божіей имѣетъ сокровенную пользу (Ис. 30, 20), которая еще неясно усматривается въ настоящей жизни (ибо, конечно, прекратилось бы всякое противорѣчіе со стороны невѣрующихъ, если бы ожидаемое было предъ глазами), и такъ какъ она (благодать Божія) ожидаетъ послѣдующихъ вѣковъ, чтобы въ нихъ открылись блага, созерцаемыя нынѣ единою вѣрою: то необходимо будетъ посредствомъ нѣкоторыхъ умозаключеній, найти, по возможности, разрѣшеніе и этимъ вопросамъ, согласное съ прежними отвѣтамп" (89). Эти слова св. отца показываютъ, что умозаключенія, путемъ которыхъ онъ желаетъ дать вопрощающимъ вполнѣ вразумительный для нихъ отвѣтъ, представляются для него не болѣе, какъ дѣло снисхожденія къ немощамъ человѣческаго ума, часто нуждающагося въ уподобленіяхъ и картинныхъ образахъ и не всегда способнаго къ пониманію истины во всемъ ея отвлеченномъ величіи и простотѣ.

Послѣ св. Григорія Нисскаго систематикомъ христіанскаго богословія выступилъ блаженный Θеодоритъ, еписк. Кирск.й. Его система—„Краткое изложеніе божественныхъ догматовъ" въ большей степени, чѣмъ „Великое Огласительное Слово" св. Григорія Нисскаго, носитъ слѣды той эпохи, когда она была написана. Св. Григорій Нисскій только указалъ на полемическое назначеніе своей системы, но какъ выдающійся мыслитель, далъ единственное въ своей глубинѣ и цѣльности изложеніе самаго существа христіанскаго ученія. Великое дѣло искупленія и усвоеніе этой тайны простираетъ свое значеніе на всѣ вѣка, и если обстоятельства заставили изъяснить ее языкомъ человѣческихъ понятій въ VI вѣкѣ, то, конечно, это еще болѣе необходимо въ вѣкахъ послѣдующихъ. Вопросы же, занимавшіе вселенную во время написанія „Слова", св. Григорій рѣшаетъ какъ бы между прочимъ. Блаженный Θеодоритъ не имѣлъ философской прозорливости Григорія Нисскаго и отъ этого его изложеніе божественныхъ догматовъ является твореніемъ болѣе современнымъ, т. е. отвѣчающимъ главнымъ образомъ на тѣ вопросы, которые представляли жгучій интересъ въ его эпоху. Подробное изложеніе догмата Пресвятой Троицы было необходимо въ виду свѣжихъ воспоминаній о многочисленныхъ діалектическихъ доктринахъ софистическихъ учениковъ мятежнаго пресвитера. Главы о твореніи, о матеріи, объ эонахъ, о діаволѣ написаны въ обличеніе гностиковъ различныхъ оттѣнковъ и манихеевъ. То же самое можно сказать относительно главы о человѣкѣ и о промыслѣ, въ которой рѣшается вопросъ о происхожденіи зла. Изложеніе догматовъ о соединеніи двухъ естествъ въ единой Ипостаси Сына Божія напоминаетъ намъ, что блаженный Θеодоритъ былъ ревностнымъ обличителемъ Евтихія. Главы же о томъ, что Одинъ и Тотъ же благъ и справедливъ, что Одинъ и Тотъ же далъ ветхій и новый завѣтъ, цѣликомъ направлены противъ Маркіана. Въ Христовой Церкви, принявшей свое ученіе отъ Іисуса Христа, подобные вопросы положительно неумѣстны. Главы о бракѣ, дѣвствѣ, блудодѣяніи введены въ систему изложенія божественныхъ догматовъ именно потому, что въ Сиріи были сильны секты, соединявшія исповѣданіе Христа съ крайне распущенною жизнію. Нужно отмѣтить еще слѣдующую особенность догматическаго творенія блаженнаго Θеодорита: божественные догматы излагаются въ той мѣрѣ, какъ необходимо для рѣшенія спорныхъ вопросовъ; проглядываетъ та же мысль, которую мы видѣли въ „Великомъ Огласительномъ Словѣ": именно, что христіанство есть любомудріе болѣе въ жизни, чѣмъ въ немощномъ человѣческомъ словѣ, не всегда способномъ выражать понятія высокія и божественныя. Если и дѣлаются попытки формулировать содержаніе церковнаго сознанія, то это происходитъ вслѣдствіе сожалѣнія къ погибающимъ и къ могущимъ погибнуть въ безднѣ еретическаго нечестія. Выраженіемъ послѣдней мысли блаженный Θеодоритъ и заканчиваетъ свой трудъ: „Итакъ я прошу всѣхъ, которые будутъ имѣть случай читать сочиненіе сіе, сличать божественные догматы со лжеученіемъ тѣхъ нече-

стивцевъ и изъ сличенія сего познать, какое различие между истиною и ложью. Ибо кое причастіе правдѣ къ беззаконію? или кое общеніе свѣту ко тьмѣ? (2 Кор, 6, 14). И подлинно, еретическія басни суть изобрѣтеніе діавольскаго злохищренія, божественные же догматы суть ученіе Св. Духа, которое всегда должно содержать, неизмѣнно хранить и къ которому должно устремлять свое сердце о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ" (Изл. бож. дог. 137).

Третье изложеніе вселенскаго богословія принадлежитъ преп. отцу Іоанну Дамаскину. Такъ какъ въ VIII вѣкѣ ослабла напряженность богословскихъ споровъ на матафизической почвѣ, то по формѣ своей „Точное изложеніе православной вѣры" отличается менѣе полемическимъ характеромъ, чѣмъ творенія бл. Ѳеодорита, но по содержанію своему и эта система—чисто полемическая и прежде всего имѣетъ въ виду дать правильный отвѣтъ на тѣ вопросы, которые болѣе всего представляли интересъ въ VIII вѣкѣ. Помимо сущности христіанскаго ученія, т. е. догматовъ Троицы и искупленія, очень подробно излагается ученіе о христіанскомъ культѣ, вслѣдствіе начавшихся тогда иконоборческихъ смутъ. Введенъ даже пунктъ обличенія іудеевъ, которые подъ властью арабскихъ халифовъ подняли голову и стали представлять явную опасность для Церкви. Стремленіе дать полноту всѣхъ знаній побудило пр. Іоанна Дамаскина ввести въ свою систему подробный курсъ современной ему космологіи. Эту послѣднюю попытку нельзя назвать особенно удачной, ибо ученіе о свойствахъ тварной природы не имѣетъ никакого отношенія къ жизни Христовой Церкви и безъ всякаго ущерба для благочестія можетъ быть предметомъ другихъ наукъ. Изложеніе догматовъ у св. Іоанна наиболѣе подробное; система—общая у всѣхъ троихъ св. отцовъ-систематиковъ. Сначала излагается ученіе о Троицѣ, которому св. Іоаннъ предпосылаетъ общія разсужденія о Божествѣ, потомъ,—о нашемъ спасеніи чрезъ сошествіе съ небесъ Бога-Слова, потомъ говорится объ усвоеніи нами божественной благодати, т. е. о молитвѣ, о Писаніи, о важнѣйшихъ священно-дѣйствіяхъ и, наконецъ, насколько это необходимо, о конечныхъ судьбахъ Церкви и человѣчества. Таково содержаніе святоотеческой системы, выработанной исторіей. Болѣе говорится о тѣхъ вопросахъ, которые въ данную эпоху представляли болѣе всего опасности для цѣлости и единства Христовой Церкви. Все значеніе и вся сила святоотеческой системы—не во внѣшнемъ расположеніи составныхъ частей, очень простомъ и естественномъ, а во внутренней и глубокой силѣ созерцанія и въ смѣлой жизненности.

Разсмотрѣвъ три святоотеческія системы, дошедшія до насъ отъ времени большаго, по сравненію съ современнымъ, развитія церковной жизни, мы приходимъ къ заключенію, что вся дѣйственность святоотеческаго богословія происходила отъ его глубоко-церковнаго духа и отъ созерцательнаго метода. Было бы крайне неправильно и несогласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла искать чего-либо особенно сильнаго въ самомъ строѣ системы, которая всецѣло опредѣлялась содержаніемъ и въ второстепенныхъ пунктахъ вполнѣ зависѣла, какъ мы видѣли выше, отъ причинъ случайнаго характера. И самъ авторъ подробнѣйшей системы православнаго богословія не видитъ въ ней важнаго пріобрѣтенія для Церкви, а съ благоговѣніемъ вспоминаетъ о первыхъ вѣкахъ христіанства, объ эпохѣ чудесъ и чистыхъ откровеній: „Ученики и апостолы, будучи мудрены Всесвятымъ Духомъ и творя Его силою и благодатію божественныя знаменія, уловляя ихъ (т. е. язычниковъ) сѣтію чудесъ, вывели изъ пропасти невѣдѣнія вверхъ, къ свѣту богопознанія. Подобнымъ образомъ и наслѣдники благодати и достоинствъ этихъ, какъ пастыри, такъ и учители, получивъ освящающую благодать Духа, и силою чудесъ и словомъ благодати просвѣщали помраченныхъ и обращали на истинный путь заблудшихъ. Мы же, не получившіе ни дара чудесъ, ни дара ученія, ибо страстію къ удовольствіямъ сдѣлали себя недостойными, хотимъ разсказать объ этомъ немногое изъ переданнаго намъ возвѣстителями благодати, призвавъ на помощь себѣ Отца и Сына и Святаго Духа" (Гл. III). Но дѣло въ томъ, что твореніе самого Іоанна Дамаскина есть ничто иное, какъ высшее проявленіе божественной истины, раскрытой въ церковномъ ученіи, проявленіе, по своей силѣ и благодати, вполнѣ достойное преемника великихъ отцовъ вѣры и учениковъ апостольскихъ.

(Продолженіе будетъ).

Возсоединеніе уніатовъ въ Костомолотахъ.

Православное населеніе Костомолотскаго прихода на Подляшьи переживало за послѣдніе годы тяжелое время. Приходъ былъ послѣ войны закрытъ и, не взирая на неоднократныя ходатайства прихожанъ, мѣстная Православная Церковь стояла закрытой, отъ дѣйствія времени и непогоды подвергаясь разрушенію. Гражданскія власти не давали разрѣшенія на открытіе церкви, ея ремонтъ и возстановленіе православнаго прихода.

Особенно тяжелымъ стало положеніе православныхъ съ конца прошлаго года, когда уніатское духовенство, руководимое римско-католическимъ епископомъ Подляшскимъ Пшездѣцкимъ, предприняло энергичныя мѣры съ цѣлью совращенія Костомолотцевъ въ унію и отторженія ихъ отъ вѣры предковъ. Гражданскія власти передали Костомолотскую церковь католическому епископу, который пересвятилъ ее въ костелъ и въ началѣ января с. г. учредилъ въ Костомолотахъ уніатскій приходъ. Настоятелемъ этого прихода былъ назначенъ б. православный священникъ Е. Ружицкій, извѣстный по своей предыдущей дѣятельности въ предѣлахъ Полѣсской епархіи. По временамъ въ Костомолоты наѣзжали и другіе уніатскіе священники. Они поступали крайне осторожно и, зная приверженность Костомолотцевъ къ Святой Православной Вѣрѣ, старались внѣшне ни въ чемъ не отступать отъ православія: въ Костомолотскомъ храмѣ все было оставлено, какъ въ православной церкви, служба также ничѣмъ почти не отличалась отъ православной. Одновременно католическимъ епископомъ были от-

пущены значительныя средства, на которыя былъ произведенъ ремонтъ церкви, заново покрыта крыша и т. д.

Среди костомолотцевъ нашлись малодушные, поддавшіеся на эту удочку и истосковавшіеся по родному храму и богослуженію за рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ церковь была закрыта. Нѣкоторая часть населенія начала посѣщать церковь, не переставая, однако, свидѣтельствовать о своей принадлежности къ православію и объясняя свой шагъ единственно стремленіемъ къ родному храму и необходимостью молитвеннаго общенія съ Богомъ подъ его сѣнью. Нѣкоторые малодушные соблазнялись еще тѣмъ, что со стороны властей оказывалось полное содѣйствіе уніатскому духовенству, такъ какъ командированный въ Костомолоты Блаженнѣйшимъ Митрополитомъ Діонисіемъ Іеромонахъ Нифонтъ всячески стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ и затруднялся въ служеніи въ приходскомъ домѣ, въ которомъ онъ поселился и одну изъ комнатъ котораго приспособилъ для служенія службъ.

Церковный домъ, какъ документально установлено, былъ построенъ православнымъ населеніемъ въ 1913 году для нуждъ православнаго прихода. Несмотря на это, уніаты заняли часть его и приступили къ его ремонту. Варшавско-Холмской Консисторіей былъ тогда вчиненъ судебный искъ о выселеніи уніатовъ изъ церковнаго дома, но этотъ искъ и до сихъ поръ остался неразсмотрѣннымъ мировымъ судьею. Уніаты отвѣтили такимъ же искомъ въ отношеніи живущаго въ домѣ православнаго псаломщика, и мировой судья въ теченіе недѣли разсмотрѣлъ это дѣло и рѣшилъ его въ пользу уніатовъ, распорядившись также о немедленномъ приведеніи этого рѣшенія въ исполненіе.

Казалось, православному приходу въ Костомолотахъ пришелъ конецъ. Однако, Богъ судилъ иначе и не позволилъ восторжествовать неправдѣ.

Уніатскіе священники, служившіе въ Костомолотахъ, воочію убѣдились въ своихъ заблужденіяхъ, увидѣли, что всѣ усилія останутся тщетными, и что вѣрующій народъ есть и будетъ вѣрнымъ Православной Церкви. Они узрѣли и поняли свою ошибку и письменно обратились къ Блаженнѣйшему Митрополиту Діонисію съ выраженіемъ раскаянія, съ просьбой о прощеніи и принятіи ихъ обратно на лоно Материнской Церкви. Эта милость была имъ оказана, и 5 Іюня въ Костомолотахъ состоялось достопамятное торжество.

Въ этотъ воскресный день, утромъ въ 9 часовъ въ Костомолоты прибылъ, въ сопровожденіи духовенства, Преосвященный Антоній, Епископъ Люблинскій. У церковнаго дома Его Преосвященство былъ встрѣченъ Іеромонахомъ Нифонтомъ и прихожанами, которые съ пѣніемъ, образовавши тутъ же хоръ, направились къ близъ лежащему храму. У входа на погостъ Преосвященный былъ встрѣченъ помощникомъ настоятеля священникомъ Феодоромъ Чистовскимъ, который привѣтствовалъ Владыку и пригласилъ его въ храмъ.

На паперти храма навстрѣчу Преосвященному вышелъ священникъ Е. Ружицкій съ крестнымъ ходомъ и произнесъ привѣтственную рѣчь, заявляя о твердомъ рѣшеніи своемъ и прихожанъ быть впредь вѣрными святой Православной Вѣрѣ и прося Владыку совершить актъ возсоединенія.

Преосвященный Антоній въ сопровожденіи всего духовенства, крестнаго хода и множества народа вошелъ въ церковь, окропилъ ее, послѣ чего совершилось торжественное присоединеніе къ православію обоихъ бывшихъ уніатскихъ священниковъ. Послѣ этого Преосвященнымъ Антоніемъ была совершена Божественная Литургія въ сослуженіи всего присутствовавшаго духовенства. Во время литургіи священникъ Ружицкій произнесъ горячее слово, въ которомъ онъ принесъ публичное покаяніе, повѣдалъ о путяхъ, приведшихъ его къ обращенію, и горячо призывалъ всѣхъ прихожанъ твердо и стойко хранить вѣрность святой Православной Вѣрѣ и не поддаваться никакимъ соблазнамъ уніатовъ.

Скромный храмъ былъ переполненъ молящимися, которые далеко не всѣ могли помѣститься въ немъ и большой толпой заполнили погостъ. Радость и восторгъ народа не поддаются описанію. Казалось, что это не обычный воскресный день, а Свѣтлая Заутреня, такъ сіяли лица всѣхъ присутствующихъ, такъ горячо и задушевно молились они. Многіе обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ первымъ православнымъ богослуженіемъ въ родной церкви за многіе годы. Послѣ окончанія литургіи прихожане съ церковнымъ комитетомъ во главѣ пригласили Преосвященнаго Епископа Антонія и все духовенство на скромный обѣдъ, въ которомъ приняло участіе почти все взрослое населеніе. Во время обѣда прихожане въ многочисленныхъ безыскусственныхъ, но горячихъ рѣчахъ выражали свою радость по поводу этого памятнаго событія и клялись дружно и крѣпко хранить и впредь Святую Вѣру Православную.

Множество народа все время стояло около приходскаго дома и долго еще продолжалась задушевная бесѣда Преосвященнаго Антонія и духовенства съ прихожанами. Тутъ же церковный комитетъ въ полномъ составѣ вручилъ Преосвященному Антонію ключи отъ церкви, которые были переданы Владыкой настоятелю Костомолотскаго прихода игумену Нифонту. Одновременно было вручено отъ имени жителей села Костомолотъ слѣдующее заявленіе на имя Блаженнѣйшаго Митрополита Діонисія:

„Покорніше просимъ Ваше Блаженство не вірити слухамъ и заявленіямъ недоброжелателей нашей Св. Православной Церкви, что мы селяне с. Костомлотъ перейшки въ Унію. Въ Унію ми зовсім не переходили, никогда не перейдемъ и Св. Православну віру не покинимо.

Ми только посещали свою рідну на наші власні гроші вистроену Церківъ, замкнуту владою. Всі треби ми виконуем в нашого православного священника.

Смиренно просимо Ваше Блаженство довести до відома високаго правительства.

Вашего Блаженства покірніи слуги."

Подъ этимъ заявленіемъ имѣются 98 собственноручныхъ подписей главъ семействъ.

Тутъ же явились представители прихожанъ изъ деревни Окчинъ, того же Костомолотскаго прихода, и подали на имя Его Блаженства Митрополита Діонисія слѣдующее заявленіе:

„Честь имѣемъ почтительнѣйше заявить Вашему Блаженству, что всѣ мы нижеподписавшіеся жители деревни Окчинъ принадлежимъ къ нашей Праотеческой Святой Православной Церкви и несмотря на всѣ старанія уніатовъ готовы со стойкостью и преданностью и впредь держаться этой Святой Православной Вѣры.

Заявленіе это мы дерзаемъ подать Вашему Блаженству въ виду того, что намъ стало извѣстно, что поборники уніи всюду по начальству заявляютъ, что весь Костомлотскій приходъ, за исключеніемъ 13 семействъ, перешелъ въ унію, какъ между тѣмъ въ нашей деревнѣ Окчинѣ нѣтъ ни одного совращеннаго въ унію.

Въ томъ росписуемся:"

Подъ этимъ заявленіемъ имѣется 111 собственноручныхъ подписей.

Кромѣ того, настоятель и церковный комитетъ б. уніатскаго прихода вручилъ настоятелю православ-

наго прихода, игумену Нифонту, слѣдующее оффиціальное письмо (сохраняемъ текстъ подлинника):

„Do Księdza proboszcza Prawosławnej Parafji w Kostomłotach. Niniejszem zawiadamiam księdza proboszcza ieromonacha Nifonta Miedwiedz, że po zebranym wiadomościom znajdująca plebanja we wsi Kostomłotach w posiadaniu proboszcza Kat. wsch. słow. Obrz. jako są zbudowana na dobrowolne ofiary ludności prawosławnej w 1913 roku uznając takową za własność prawosławnej cerkwi, oddaję takową do dyspozycji wyżejwspomnianego ks. Nifonta i ludności prawosławnej w Kostomłotach.

Prezes dozoru kościelnego parafji Kat. wsch. sł. obrz. i proboszcz tej że parafji Ks. Dr. E. Rużycki. Członkowie: Іосифъ Лигоръ. С. Купря, Александръ Мартынюкъ, Андрей Матейко, І. Купря, Миронъ Купря, Александръ Тротюкъ, Кириллъ Дмитріюкъ, Петръ Прокотокъ."

Въ свое время прихожанамъ былъ сообщенъ отказъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ возвратить имъ церковь, по ходатайству Владыки Митрополита, при чемъ Министерство въ своемъ отказѣ писало:

„W odpowiedzi na pismo z dn. 12-III. 1927 № 598, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych po zarządzeniu dochodzeń w powyższej sprawie ma zaszczyt zakomunikować, że cerkiew w Kostomłotach wyświęcona jeszcze w czasie wojny na świątynię katolicką—została następnie w listopadzie 1925 r. przekazana jako cerkiew unicka, rz. Kat. Biskupowi podlaskiemu, który erygował w Kostomłotach parafję obrz. wsch. słow. dnia 10-II b. r.

Wieś Kostomłoty liczy 175 rodzin—z których obecnie 13 rodzin w liczbie 45 osób pozostało przy prawosławiu, zaś reszta ludności w liczbie 673 osób przeszła na unję.

Min. Spraw Wewnętrznych jest zdania, że w tych warunkach cerkiew wraz z plebanją w Kostomłotach winna należeć do większości parafjan unitów, zwłaszcza że jak wykazały dochodzenia plebanję wybudowali parafjanie w Kostomłotach własnemi środkami.

Zarazem nadmienia się, że dochodzenie nie potwierdziło zarzutu, jakoby duchowny prawosławny Nifont został przez policję siłą usunięty z Kostomłot, gdyż wyjechał on dobrowolnie niechcąc przyczyniać się swą obecnością w Kostomłotach do podniecenia umysłów większości uniceiej.

Dyrektor Departamentu (—) Światalski."

Поэтому, прихожане составили два прошенія на имя Министровъ: Исповѣданій и Внутреннихъ Дѣлъ, —заявляя въ нихъ о своей вѣрности православію и прося оставить имъ православную церковь и приходъ. Слѣдующія копіи этихъ прошеній были переданы Владыкѣ Митрополиту:

„Do Pana Ministra Wyznań Religijnych i O. P. w Warsawie. Włościan wsi w Kostomłotach, tejże gminy, pow. Biała Podlaska. Zajawa.

Niniejszem dowodzimy do wiadomości W. P. Ministra, że my włościanie wsi Kostomłoty nigdy nie zmieniali swej sw. prawosławnej wiary na unicku lub katolicku i nigdy jej nie zmienimy. Uprzejmie prosimy Pana Ministra pozostawić nam Cerkiew naszą i plebanję jako zbudowaną za nasz własny koszt i księdza prawosławnego.

Włościanie wsi Kostomłoty: 97 podpisów. 4-VI 1927 r. w. Kostomłoty."

Do W. Pana Ministra Spraw Wewnętrznych w Warszawie. Włościan wsi Kostomłoty, tejże gminy, pow. Biała Podlaska. Zajawa: Niniejszem zawiadamiamy W. P., że my włościanie wsi Kostomłoty byli, jesteśmy i zawsze będziemy prawosławni i nigdy swej św. prawosłcwnej wiary nie zmieniali na unicku lub katolicku i nie zmienimy jej, t. j. Sw. Prawosławnej Wiary. Uprzejmie prosimy W. P. Ministra pozostawić za nami cerkiew i plebanję jako zbudowany za nasz własny koszt. Włościanie wsi Kostomloty: 108 podpisów."

Слѣдуетъ надѣяться, что эти факты и приведенные документы убѣдятъ Центральныя Власти въ томъ, что существованіе православнаго прихода въ Костомолотахъ отвѣчаетъ дѣйствительнымъ нуждамъ и желаніямъ населенія, и что дальнѣйшія попытки католическаго епископата навязать костомолотцамъ унію не встрѣтятъ поддержки.

Vox.

Церковная жизнь.

Въ минувшемъ церковномъ обозрѣніи мы говорили объ освобожденіи Высокопреосвященнаго Митрополита Нижегородскаго Сергія изъ совѣтскаго заключенія и о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ совѣтская власть подвергаетъ въ Россіи Православную Церковь. **Нынѣ получены новыя подтвержденія свѣдѣній объ освобожденіи Митрополита Сергія и новыя данныя о тяжкомъ положеніи Русской Церкви и ея гонимыхъ Архипастырей и Пастырей.**

Въ русской заграничной печати опубликовано характерное письмо одного Епископа, сосланнаго большевиками въ далекій Нарымскій край. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, этотъ іерархъ:

... „Оказывается, что никто изъ архіереевъ не попалъ въ столь дикія условія ссылки, какъ мы здѣсь. Первые пять мѣсяцевъ полнаго разобщенія съ міромъ были для меня весьма и весьма тяжелы въ матеріальномъ отношеніи, но не въ духовномъ. Съ полученіемъ передъ Р. Х. первой почты, всѣ тяготы минули, а любовь и вниманіе чадъ духовныхъ доставили намъ къ Празднику много радости.

Пришлось весьма много поработать мнѣ вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ со мною сюда добровольно іеродіакономъ Х., чтобы изъ брошенной развалившейся хибарки устроить сносное жилье. А такъ какъ я самъ и плотникъ и сапожникъ и кузнецъ и печникъ, то все нами устроено, какъ нельзя лучше. Теперь мнѣ изъ Москвы высылаются разные инструменты, и мы все сможемъ для себя сдѣлать.

Мои два собрата (ссыльные священники) устроились иначе—въ двухъ семействахъ здѣшнихъ рыбаковъ. А вѣдь весь станокъ (поселокъ) состоитъ изъ двухъ семействъ. Я предоставилъ собратьямъ въ началѣ устраиваться какъ имъ наивыгоднѣе, самъ же взялъ единственное, что оставалось, но теперь, благодаря большому напряженію, и живя совершенно независимо, я, пожалуй, живу удобнѣе ихъ.

Съ весны предполагаю заняться рыбнымъ промысломъ.

Великое утѣшеніе въ томъ, что вдвоемъ съ Х. теперь совершаю Божественную литургію въ амбарѣ.

Не для народа, но за народъ, за всѣхъ васъ, за весь міръ.

И когда я осѣняю крестомъ на четыре стороны, то имѣю передъ собою всю паству свою, всѣхъ близкихъ, всѣхъ васъ, весь міръ.

Духовныя же радости даруетъ Господь великія, и я не устаю славословить Его и благодарить за всѣ скорби, за все...

Со мною есть книги, читаю, работаю...

Теперь получилъ возможность обзавестись теплой одеждой—морозы,—духъ захватываетъ,—а у насъ не было таковой.

А вѣдь пришлось по поясъ въ снѣгу заготовлять въ лѣсу дрова. Когда будетъ одежда, будемъ и сѣвернымъ сіяніемъ любоваться, пока же не до него. Но слава Господу, дающему благодушіе переносить все.

У меня развилось сильное малокровіе и головокруженіе, но теперь я получилъ возможность и съ этимъ побороться; вѣрю, что скоро буду здоровѣе, чѣмъ раньше.

Спаси васъ Христосъ, другъ мой, рабъ Христа Бога нашего.

Не замыкайтесь въ деревянномъ покоѣ, не засыпайте, будемъ носителями міровой скорби.

Моментъ великій, страшный, но приводящій къ славѣ.

Миръ вамъ! Вашъ богомолецъ, грѣшный епископъ"...

Какую силу вѣры и духа показываютъ эти краткія выдержки...

Изъ Софіи сообщаютъ, что тамъ состоялся съѣздъ болгарскаго приходскаго Православнаго духовенства. Съѣздъ этотъ обсуждалъ рядъ важныхъ вопросовъ изъ жизни болгарской Церкви, въ томъ числѣ вопросъ о правѣ гражданскихъ присяжныхъ повѣренныхъ выступать передъ духовными судебными мѣстами. Большинство болгарскихъ православныхъ церковныхъ братствъ, обсуждавшихъ этотъ вопросъ, высказалось категорически противъ предоставленія свѣтскимъ присяжнымъ повѣреннымъ этого права, и съѣздъ раздѣлилъ эту точку зрѣнія, которая, повидимому, опредѣлитъ окончательную точку зрѣнія болгарской Церкви.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ поѣздка Архіепископа Софійскаго, Высокопреосвященнаго Стефана въ Лондонъ. Поѣздка эта связана съ крупными церковными торжествами Англиканской церкви по случаю престольнаго праздника лондонскаго собора Св. Луки. Во время своего пребыванія въ Лондонѣ Архіепископъ Стефанъ будетъ гостемъ англійскаго Архіепископа Кентерберійскаго.

15 іюня с. г. въ Софіи открывается очередная сесія Св. Синода Болгарской Православной Церкви. Обсужденію сессіи подлежатъ вопросы о реформѣ программъ духовныхъ семинарій и другихъ Православныхъ духовныхъ учебныхъ заведеній въ болгарскомъ царствѣ и вопросъ о реорганизаціи монастырей и благочиній.

6 іюня с. г. въ Софіи начались работы по ремонту и возстановленію собора св. Недѣли, разрушеннаго во время памятнаго и возмутительнаго покушенія болгарскихъ комунистовъ на эту святыню 16 апрѣля 1925 года. Въ теченіе лѣта работы будутъ подвинуты настолько, что внѣшній ремонтъ храма будетъ законченъ.

Изъ жизни инославныхъ вѣроисповѣданій отмѣтимъ празднованіе всемъ католическимъ міромъ **70-лѣтія со дня рожденія нынѣшняго Папы Римскаго Пія XI.** Во время торжествъ, связанныхъ съ этимъ юбилеемъ, католическая печать всего міра подчеркнула, что Пій XI основной и главной цѣлью своей церковной политики считаетъ достиженіе уніи между Православіемъ и католичествомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выступленія эти показали, что Ватиканъ попрежнему разсматриваетъ возможность уніи только съ точки зрѣнія простого подчиненія Восточнаго Православія западному католичеству. Католическія газеты подчеркиваютъ, что Пій XI расширилъ восточную конгрегацію и восточный институтъ въ Римѣ, создалъ при конгрегаціи особую комиссію для руководства католической пропагандой въ Россіи, образовалъ двѣ католическія епархіи во Владивостокѣ и въ Сибири, организовалъ библіотеку восточнаго института и издалъ рядъ энцикликъ на тему о соединеніи церквей. Во всѣхъ этихъ энцикликахъ Ватиканъ подчеркиваетъ значеніе, придаваемое имъ католической пропагандѣ въ Россіи.

Въ Познани состоялся съѣздъ католической лиги въ Польшѣ съ участіемъ около 3 тысячъ делегатовъ. Съѣздъ заявилъ протестъ противъ преслѣдованій католичества въ совѣтской Россіи и въ Мексикѣ, высказался противъ измѣненія законовъ объ обязательномъ воскресномъ отдыхѣ въ Польшѣ и противъ дуэлей среди католиковъ.

У насъ.

Самымъ крупнымъ и сенсаціоннымъ событіемъ въ политической жизни Польши за послѣднее время является совершенное жителемъ города Вильны, ученикомъ 8-го класса виленской гимназіи Русскаго Общества, 19-лѣтнимъ Борисомъ Софроніевичемъ Ковердой, **убійство совѣтскаго полномочнаго представителя въ Варшавѣ Войкова.** Обстоятельства этого убійства таковы. 7 Іюня с. г. Войковъ пріѣхалъ на главный варшавскій вокзалъ для встрѣчи съ бывшимъ совѣтскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Лондонѣ Розенгольцемъ, который въ этотъ день проѣзжалъ изъ Берлина въ Москву. Передъ отходомъ поѣзда оба полпреда прогуливались по перону вокзала, когда къ Войкову подошелъ неизвѣстный высокій молодой человѣкъ, принятый окружающими за одного изъ сотрудниковъ совѣтской миссіи. Неизвѣстный вступилъ съ Войковымъ въ разговоръ, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Во время этого разговора молодой человѣкъ—это былъ Борисъ Коверда, — выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ шесть разъ подрядъ въ Войкова, который, обливаясь кровью, упалъ на землю. Падая, Войковъ имѣлъ еще достаточно силъ для того, чтобы выхватить изъ кармана револьверъ, который онъ всегда носилъ при себѣ, и выстрѣлить въ Коверду. Выстрѣлъ этотъ, однако, не достигъ цѣли—Войковъ промахнулся и Коверда остался невредимъ. Ранивъ Войкова, онъ продолжалъ спокойно стоять на мѣстѣ и вторично зарядилъ свой револьверъ. Въ этотъ моментъ первая паника прошла, его схватили и разоружили. Вызванный врачъ констатировалъ смертельное раненіе Войкова и въ каретѣ скорой помощи перевезъ его въ городской госпиталь Младенца Іисуса. Лучшіе варшавскіе хирурги приготовились произвести надъ Войковымъ операцію, но онъ до этой операціи, не приходя въ сознаніе, скончался. Между тѣмъ полиція и прибывшіе представители административной и судебной власти приступили къ допросу арестованнаго Бориса Коверды. По свѣдѣніямъ печати, Коверда показалъ, что убійство Войкова совершено было имъ по мотивамъ политическаго характера. Въ качествѣ эмигранта изъ совѣтской Россіи и противника большевиковъ, Коверда дѣйствовалъ по идейнымъ соображеніямъ, видя въ Войковѣ врага національной Россіи. На допросѣ Коверда держался совершенно спокойно и съ большимъ достоинствомъ, охотно отвѣчая на всѣ задаваемые ему вопросы.

Правительство реагировало на убійство слѣдующимъ образомъ: немедленно по полученіи первыхъ свѣдѣній о покушеніи **всѣ министры съ маршаломъ Пилсудскимъ во главѣ поспѣшили выразить совѣтскому полпредству соболѣзнованіе;** министръ иностран-

ныхъ дѣлъ Залѣсскій въ сопровожденіи начальника дипломатическаго протокола г. Пржездецкаго поспѣшилъ пріѣхать въ больницу, гдѣ лично присутствовалъ при смерти Войкова; имъ же была отправлена совѣтскому правительству, въ лицѣ народнаго комисаріата иностранныхъ дѣлъ, телеграмма съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу происшедшаго. Польская печать сравнительно единодушно осудила поступокъ Коверды, какъ наносящій ущербъ интересамъ польскаго государства.

Этими первоначальными свѣдѣніями мы вынуждены пока ограничить разсказъ о событіи, которое несомнѣнно, будетъ имѣть и политическія, и фактическія послѣдствія и которое, во всякомъ случаѣ, необычайно совпало съ злободневнымъ обращеніемъ вниманія всего міра на всѣ, связанные съ совѣтской Россіей вопросы, послѣ разрыва между Англ'ей и совѣтской Россіей.

Срокъ созыва чрезвычайной сессіи законодательныхъ палатъ, о которомъ мы сообщали въ предыдущемъ номерѣ „Воскреснаго Чтенія", приближается, и на очередь дня становятся вопросы, имѣющіе такое большое и принципіальное значеніе во внутренней жизни государства, что передъ ними померкнутъ всѣ, наиболѣе сенсаціонныя отдѣльныя событія. Между тѣмъ недѣля, во время которой жертвой террористическаго акта палъ полпредъ Войковъ, богата была именно такими неожиданными и сенсаціонными событіями.

Достаточно, хотя бы, указать на происшедшій за два дня до убійства Войкова **грандіозный взрывъ въ Краковѣ.** Взрывъ этотъ произошелъ въ военныхъ пороховыхъ складахъ на одномъ изъ фортовъ краковской крѣпости въ Витковицахъ. Какъ предполагаетъ производимое властями разслѣдованіе, порохъ и другія взрывчатыя вещества, находившіяся въ этихъ складахъ, начали разлагаться подъ вліяніемъ царившей въ Краковѣ за нѣсколько дней передъ взрывомъ необычайной жары, и это послужило причиной взрыва. Сила его была необычайно велика, но къ счастью направилась не въ сторону города Кракова, гдѣ бѣдствія могли бы быть неисчислимыми, а въ противоположную, сравнительно менѣе населенную сторону. Однако и такъ взрывъ вызвалъ человѣческія жертвы въ количествѣ двоихъ убитыхъ и болѣе 500 раненыхъ и значительный матеріальный убытокъ, превышающій 1,300,000 злотыхъ. Въ самомъ Краковѣ отъ сотрясенія во многихъ домахъ вылетѣли изъ рамъ всѣ оконныя стекла, а въ деревняхъ, прилегающихъ къ мѣсту взрыва, пострадали всѣ зданія. Особенно жестоко было дѣйствіе взрыва по отношенію къ колоніи для больныхъ дѣтей въ Витковицахъ. Болѣе 150 дѣтей оказалось ранеными осколками стекла и обломками строительныхъ матеріаловъ, а многія дѣти разбѣжались въ испугѣ и нѣкоторыя пропали безъ вѣсти.

Правительство реагировало на краковскую катастрофу посылкой помощника предсѣдателя совѣта министровъ г. проф. Бартеля въ Краковъ для осмотра мѣста катастрофы и выясненія ея размѣровъ, а также ассигнованіемъ 500 тысячъ злотыхъ на оказаніе помощи жертвамъ катастрофы.

Заграницей.

Разрывъ между Англіей и совѣтской Россіей не вызвалъ никакихъ непосредственныхъ осложненій, но кореннымъ образомъ **измѣнилъ международное политическое положеніе** и выдвинулъ вопросъ объ отношеніи къ совѣтской коммунистической власти во главу угла политики всякой державы. И если Франція, воздержавшись отъ разрыва съ совѣтской Россіей, реагировала на англо-совѣтскій разрывъ усиленіемъ борьбы съ коммунизмомъ на собственной территоріи, а Соединенные Штаты, въ лицѣ своего посланника въ Парижѣ, присоединились весьма рѣшительнымъ образомъ къ англійскому осужденію методовъ совѣтской разрушительной революціонной политики, то Германія еще не опредѣлила своей тактики, и пребываніе совѣтскаго наркоминдѣла Чичерина въ Берлинѣ дало поводъ ко всевозможнымъ толкамъ о новой совѣтско-германской интригѣ Трудно судить, насколько правды въ этихъ толкахъ, но одно несомнѣнно — это то, что Германія, своимъ союзомъ и заигрываніемъ съ совѣтской Россіей, ведетъ очень опасную игру и можетъ вновь поставить себя за предѣлъ государствъ, коимъ дороги общіе интересы христіанской культуры и европейской цивилизаціи. Если преждевременно говорить объ образованіи матеріальнаго фронта противъ СССР, то образованіе моральнаго антибольшевицкаго фронта ощущается въ міровой политикѣ очень явственно и Германія пока добровольно себя изъ него исключаетъ.

Очень интересныя и неожиданныя событія произошли въ Китаѣ. Еще недавно антибольшевицкая сѣверная армія ген. Фенгтіена вела энергичное наступленіе на Ханькоу, а двѣ другія арміи, генераловъ Суна и Чанга, удерживали фронтъ на рѣкѣ Янгце, противъ Чанъ-Кай-Шека. Судьба Ханькоу должна была рѣшиться ежечасно, такъ какъ на резиденцію безсильнаго южнаго правительства двигались кромѣ того отряды самого Чанъ-Кай-Шека и его союзниковъ изъ Кантона и Сечуана. Густой туманъ окутывалъ военныя дѣйствія и обѣ стороны ежедневно сообщали о грандіозныхъ побѣдахъ, нисколько впрочемъ не вліявшихъ на ихъ взаимное расположеніе. Внезапно на обоихъ фронтахъ **всѣ сѣверныя арміи начали поспѣшное отступленіе**, на нѣкоторыхъ участкахъ превратившееся въ безпорядочное бѣгство, не удивительное, если принять во вниманіе боевыя качества сражающихся. На фронтѣ рѣки Янгце причина отступленія отнюдь не военнаго характера, такъ какъ сѣверяне, лучше вооруженые и дисциплинированные, лишь недавно одержали здѣсь побѣду. Это соображеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что Чанъ-Кай-Шекъ вяло преслѣдуетъ противника и между нимъ и отступающими сѣверянами образовалось уже значительное пространство, никому не принадлежащее.

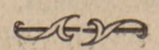
На Хонанскомъ фронтѣ положеніе сѣверянъ было не изъ важныхъ, такъ какъ кромѣ фронтальнаго противника—южнаго генерала Танга—имъ пришлось имѣть дѣло съ врагами на обоихъ флангахъ — слѣва —Чанъ-Кай-Шекомъ, справа—„христіанскимъ" генераломъ Фенгомъ. Офиціальное сообщеніе штабквартиры сѣверянъ говоритъ объ измѣнѣ двухъ генераловъ, какъ о причинѣ вызвавшей отступленіе. По всей вѣроятности сѣверные солдаты поддались дѣйствію пропаганды и денегъ—рѣшающему оружію китайской междоусобицы—и не пожелали сражаться.

Всѣ выгоды изъ создавшагося положенія извлечетъ генералъ Чанъ-Кай-Шекъ, остающійся единственной серьезной силой во всемъ южномъ и центральномъ Китаѣ. Есть слухъ, что даже ханькоуское правительство—Чена-Бородина, лишь недавно объявившее награду за голову Чанъ-Кай-Шека, теперь

вновь признало его своимъ главнокомандующимъ. Весьма возможно, что сѣверяне отступятъ далеко назадъ, быть можетъ, даже къ границамъ Манджуріи, отдавъ Пекинъ противникамъ. Въ пользу этого предположенія говорятъ усиленныя подкрѣпленія, посылаемыя великими державами въ сѣверный Китай, съ цѣлью защиты проживающихъ тамъ европейцевъ, американцевъ и японцевъ отъ эксцессовъ со стороны вторгнувшихся южанъ. Особаго вниманія заслуживаетъ намѣреніе японцевъ занять городъ Дзинанфу въ 250 километрахъ отъ ихъ военно-морской базы въ Циндау, въ результатѣ чего вся огромная шантунгская провинція попадаетъ въ распоряженіе Японіи.

Въ связи съ этимъ снова возникли слухи о прекращеніи гражданской войны путемъ раздѣла Китая на двѣ зоны — сѣверную, во главѣ съ Чанъ-Цзо-Линомъ или болѣе либеральнымъ начальникомъ его штаба генер. Янъ-Ю-Тиномъ, находящуюся подъ опекой Японіи (опорная база Шантунгъ), и южную подъ управленіемъ Чанъ-Кай-Шека, подъ протекторатомъ Англіи (база Шанхай). Непремѣннымъ условіемъ всѣхъ комбинацій является совмѣстное противодѣйствіе какому бы то ни было вмѣшательству Россіи— весьма своеобразный результатъ совѣтской политики.

Дадимъ, однако, нашимъ читателямъ возможность нѣсколько отдохнуть отъ этихъ сложныхъ политическихъ событій и разсчетовъ и остановимъ ихъ вниманіе на двухъ событіяхъ, въ которыхъ необычайно ярко видна сила человѣческаго духа и воли, уничтожающей всѣ препятствія на своемъ пути— **мы имѣемъ въ виду смѣлые полеты американскихм летчиковъ Линдберга и Чемберлена черезъ Атлантическій океанъ въ Европу.** Первая попытка такого перелета была сдѣлана полтора мѣсяца тому назадъ французскими летчиками Ненжесеромъ и Коли и окончилась трагически: оба француза со своимъ аэропланомъ пропали безслѣдно и, повидимому, погибли въ пучинахъ водъ Атлантики. Но гибель ихъ не остановила смѣльчаковъ: молодой американскій летчикъ Линдбергъ поднялся на своемъ аэропланѣ въ Америкѣ и послѣ 33 часовъ 47 минутъ безпрерывнаго полета опустился на аэдромъ Ле Бурже подъ Парижемъ среди неумолчной оваціи 150 тысячной толпы. А черезъ нѣсколько дней другой американецъ, 35-лѣтній пилотъ Чемберлинъ повторилъ его безумно-смѣлый полетъ и, имѣя на борту своего аэроплана „Колумбія" виленскаго уроженца Левина, вылетѣлъ изъ Америки, перелетѣлъ черезъ океанъ и послѣ 35 слишкомъ часовъ безпрерывнаго полета спустился вслѣдствіе порчи мотора въ Котбусѣ въ Германіи, побивъ рекордъ Линдберга и въ смыслѣ продолжительности полета и въ смыслѣ покрытаго разстоянія. Конечно, цифры пройденныхъ аэропланами Линдберга и Чемберлина разстояній и часовъ, проведенныхъ ими въ воздухѣ мало говорятъ воображенію, но если представить себѣ, что оба американца летѣли болѣе полторы сутокъ, не отрываясь ни на минуту отъ руля своего аэроплана, съ быстротой 140 верстъ въ часъ, надъ бездонной пучиной океана, безъ возможности опуститься на землю въ случаѣ неожиданной аваріи аппарата и съ перспективой неминуемой гибели въ случаѣ малѣйшей порчи мотора, проявленное ими „безумство храбрыхъ" встаетъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ во всемъ своемъ величіи и нельзя не вѣрить въ то, что человѣчество, способное въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей на такіе подвиги, не можетъ оставаться глухимъ къ призывамъ къ нравственному и духовному совершенствованію, безъ котораго успѣхи и достиженія матеріальной цивилизаціи теряютъ свою цѣль и значеніе.

Хроника.

Отъѣздъ Его Блаженства въ Почаевъ. 8 с. Іюня въ 10 часовъ вечера Его Блаженство Блаженнѣйшій Митрополитъ Діонисій отбылъ въ Почаевъ, гдѣ пробудетъ около двухъ недѣль.

Годичное Общее Собраніе Благотворительнаго Митрополитальнаго Общества въ Варшавѣ. 5 с. Іюня въ Митрополичьихъ покояхъ состоялось Общее Собраніе (3-ье по числу) Православнаго Митрополитальнаго Благотворительнаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Его Блаженства, Блаженнѣйшаго Діонисія, Митрополита Варшавскаго и всея Польши.

Послѣ обращенія Его Блаженства къ членамъ Общества о значеніи въ Церковной жизни дѣла христіанскаго благотворенія, вице-предсѣдатель Общества Протопресвитеръ Т. Теодоровичъ выразилъ отъ имени Правленія Общества и всѣхъ собравшихся членовъ его—привѣтствіе Его Блаженству по случаю чести, дарованной Митрополиту Польской Православной Церкви присвоеніемъ ему Патріаршаго Титула... Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ Правленія за 1926 годъ и протоколъ ревизіонной комиссіи, засвидѣтельствовавшей правильность и добросовѣстность веденія правленіемъ благотворительнаго дѣла. Отъ имени Общества помощи русскимъ эмигрантамъ въ Варшавѣ, П. Н. Бѣляевъ привѣтствовалъ Митрополитальное Общество, высказавъ отъ имени эмигрантовъ благодарность Вице-Предсѣдателю и Казначею Общества, сосредоточившимъ у себя все дѣло благотворенія. Согласно уставу были произведены выборы членовъ Правленія и Ревизіонной Комиссіи.

Избраны закрытой баллотировкой въ члены Правленія: Протоіерей А. Рудлевскій; П. М. Руткевичъ, Е. М. Недзвѣцкая, А. В. Лукашевичъ, М. О. Бржостовская, В. В. Якубовскій, въ кандидаты: О. А. Нитцъ и В. В. Ивановъ. Въ Ревизіонную Комиссію избраны: Протоіерей А. Субботинъ и К. Н. Николаевъ, кандидатами Протоіерей І. Коваленко и А. Микуловскій. Засимъ, по предложенію секретаря Собранія В. В. Якубовскаго, б. членъ Правленія и казначей А. Т. Теодоровичъ, во вниманіе къ ея ревностной благотворительной работѣ въ теченіе 2 ½ лѣтъ, отъ основанія Общества, единогласно избрана почетнымъ членомъ Общества. Приняты Собраніемъ нѣкоторыя измѣненія въ Уставѣ Общества, намѣченныя Правленіемъ. Благодарностью Его Блаженству за покровительство Обществу, выраженною отъ имени всего Собранія Вице-предсѣдателемъ Общества, и воодушевленно пропѣтымъ многолѣтіемъ Владыкѣ-Митрополиту, и, по предложенію Его Блаженства, и всѣмъ членамъ Общества — закончилось Общее Собраніе. Благолѣпное пѣніе Митрополичьимъ хоромъ Тропаря и задостойника Вознесенію Господню и концерта „Сей день егоже сотвори Господь" создавало высокое церковное настроеніе.

Нападеніе на Архіепископа Аѳинскаго Хризостома. Въ моментъ, когда архіепископъ Аѳинскій Хризостомъ выходилъ изъ храма въ Пиреѣ, на него бросился съ ножомъ фанатикъ, пытаясь отрѣзать ему бороду за введеніе въ церковь григоріанскаго календаря. Архіепископъ легко раненъ въ руку и лицо.

Поѣздка Митрополита Евлогія. Въ ближайшіе дни ожидается пріѣздъ въ Гданскъ Митрополита Евлогія, который на дняхъ прибылъ въ Берлинъ, откуда выѣхалъ въ Восточную Пруссію для обозрѣнія приходовъ.

Епархіальный съѣздъ въ Парижѣ. 3—7 Іюля с. г. состоится въ Парижѣ первый епархіальный съѣздъ представителей отъ духовенства и мірянъ приходовъ

Западной Европы. Предсѣдательствовать на съѣздѣ будетъ митрополитъ Евлогій. На съѣздѣ, между прочимъ, будетъ избрано епархіальное управленіе, которое замѣнитъ до сихъ поръ дѣйствующее временное.

Ремонтъ Софійскаго Собора въ Кіевѣ. „Новий Час" сообщаетъ, что, благодаря настойчивости ученыхъ круговъ, предполагается въ ближайшемъ будущемъ ремонтировать Софійскій соборъ въ Кіевѣ.

Религіозная борьба въ Мексикѣ. Изъ Мексики сообщаютъ, что въ Гуансіято гражданскія власти разстрѣляли двухъ священниковъ, жениха, невѣсту и двухъ свидѣтелей за то, что вѣнчаніе совершено было не согласно съ предписаніями гражданскаго Устава. Какъ извѣстно въ Мексикѣ уже давно идетъ борьба между католической церковью и гражданскими властями на почвѣ отдѣленія церкви отъ государства.

Сельское хозяйство.

Культура хлѣбныхъ растеній.

Мѣсто въ сѣвооборотѣ для яровыхъ хлѣбовъ то же, что и для озимыхъ, исключая мѣста послѣ пара.

Послѣ паровыхъ растеній яровые хлѣба сѣются найчаще и это для нихъ несомнѣнно наилучшее мѣсто, такъ какъ въ этомъ полѣ соединяются всѣ благопріятныя условія, именно: почва богата удобоусвояемыми веществами, чиста отъ сорныхъ травъ и отличто разрыхлена. Поэтому, послѣ паровыхъ растеній сѣются наиболѣе цѣнныя яровыя—пшеница, рожь, рѣже овесъ и просо. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, гдѣ выборъ яровыхъ малъ, на долю овса приходится хорошее мѣсто послѣ картофеля. У насъ также овесъ слѣдуетъ послѣ картофеля. Еще рѣже овса и проса сѣется послѣ паровыхъ растеній гречиха, такъ какъ она можетъ занимать другія мѣста вслѣдствіе того, что успѣшно борется съ сорными травами: а кромѣ того, она, какъ и корнеплоды, растеніе калійное и при маломъ содержаніи кали въ почвѣ даетъ плохой урожай.

Послѣ многолѣтнихъ кормовыхъ травъ яровые сѣются охотнѣе озимыхъ, потому что можно снять одинъ и даже два укоса травы и еще останется достаточно времени для обработки почвы подъ ярь. Здѣсь можно воздѣлывать всѣ яровые хлѣба, особенно тѣ, которые допускаютъ посѣвъ по пласту, именно овесъ, подъ которымъ хорошо разлагается дернина. Хуже всѣхъ это мѣсто для ячменя, хотя и онъ часто воздѣлывается послѣ клевера, потому что сѣется поздно и допускаетъ, кромѣ осенней обработки клеверной дернины, еще и весеннюю. Послѣ злаковыхъ многолѣтнихъ травъ, засоряющихъ почву остающимися корневищами, можно сѣять гречиху, которая успѣшно борется съ пыреемъ и другими сорными травами и можетъ даже очистить поле.

Яровые хлѣба въ трехпольномъ хозяйствѣ всегда сѣются *послѣ озимыхъ*, т. е. занимаютъ второе мѣсто послѣ удобренія; это мѣсто довольно хорошее по силѣ почвы и его предоставляютъ преимущественно дорогимъ яровымъ, пшеницѣ, ржи и ячменю. На третій годъ по удобреніи, въ четырехпольномъ сѣвооборотѣ сѣются менѣе прихотливые овесъ и гречиха, особенно овесъ, который часто сѣется послѣднимъ растеніемъ предъ новымъ удобреніемъ и еще тогда можетъ оплатить издержки. Гречиха часто сѣется на плохихъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего часто получаются плохіе ея урожаи. Она не сноситъ почвъ плотныхъ, припадливыхъ, поэтому для нея важны почвы, содержащія много органическихъ остатковъ. Значитъ, *всѣ яровые хлѣба могутъ быть воздѣлываемы послѣ яровыхъ и озимыхъ*, но на сильныхъ почвахъ; на слабыхъ же только нѣкоторые, напр. овесъ. Лучшіе предшественники для нихъ—яровыя бобовыя зерновыя растенія, напр. въ такомъ сѣвообороте: 1) паръ, 2) озимь, 3) горохъ, 4) овесъ, потому что бобовыя легко выбираютъ менѣе удобоусвояемыя питательныя вещества и оставляютъ въ корняхъ много азота.

Касаясь *удобренія хлѣбныхъ растеній*, нужно сказать, что они требуютъ много азота, фосфорной кислоты, меньше кали и еще меньше извести. Слѣдовательно, если въ почвѣ будетъ недостатокъ этихъ веществъ, то нужно стараться его пополнить. Такъ какъ почва наиболѣе обѣдняется фосфорной кислотой, а затѣмъ азотомъ, то о внесеніи ихъ и нужно главнымъ образомъ заботиться; внесеніе же кали и извести полезно, но не необходимо. Всѣ эти вещества находятся въ навозѣ. Хлѣбныя растенія не одинаково относятся къ избытку различныхъ питательныхъ веществъ: избытокъ кали и фосфора уменьшаетъ урожай, при избыткѣ же азота роскошно развиваются стеблевыя и листовыя части и плохо—цвѣты, отсюда малый умолотъ хлѣба; при этомъ хлѣбъ развиваетъ роскошные побѣги, пріобрѣтаетъ густоту и склоненъ къ полеганію; зерно выходитъ толстокожее и плохого качества. Избытокъ азота является при удобреніи навозомъ недостаточно перепрѣвшимъ въ хлѣву или на гноищѣ; такой навозъ засоряетъ, кромѣ того, удабриваемое поле сорными травами; эти недостатки увеличиваются и въ томъ случаѣ, если навозъ соломистый. Изъ другихъ удобрительныхъ веществъ очень полезна чилійская селитра, которая вносится преимущественно весною. Фосфорная кислота, при условіи достаточнаго количества другихъ питательныхъ веществъ, даетъ хорошіе результаты, особенно если вносится вмѣстѣ съ азотомъ, известью и др. Дефекаціонная грязь, отбросъ свеклосахарнаго производства, содержащая фосфоръ, азотъ, кали и известь, можетъ быть употребляема даже на черноземныхъ почвахъ, никогда не видавшихъ навоза. Эффектъ производимый ею—бóльшая умолотность и тяжеловѣсность сѣмянъ. Довольно хорошо дѣйствуютъ вещества, способствующія передвиженію фосфорной кислоты, напр. хлористыя соли, иногда поваренная соль, разумѣется, при достаточной влажности.

Растенія эти не глубоко развиваютъ свои корни; но все-таки навозъ подъ нихъ нужно запахивать по крайней мѣрѣ вершка на три для того, чтобы онъ равномѣрно распредѣлился по всему пахатному слою; при мелкой же задѣлкѣ можетъ случиться, что при послѣдующихъ боронованіяхъ большая часть навоза будетъ вывернута наверхъ и онъ проявитъ свой эффектъ лишь на другой годъ. Если же нужно способствовать первоначальному развитію корней, чтобы дать имъ возможность лучше использовать почву, то весной нужно произвести поверхностное удобреніе, напр. хорошимъ компостомъ, или костяно-фосфатомъ, или тукомъ вообще.

Объ *обработкѣ почвы* не будемъ распространяться, такъ какъ объ этомъ достаточно говорилось выше и въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вообще хлѣбныя растенія не требуютъ глубокой обработки, и глубина, на которую перемѣшивается съ почвой удобреніе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣльная глубина обработки для нихъ почвы. Глубокая обработка возможна только тогда, когда почва однородна на большую глубину, или въ засушливые годы нужно запастись съ осени влагой. Раздѣлка почвы должна быть тѣмъ лучше, чѣмъ мельче сѣмена. При посѣвѣ проса по пласту слѣдуетъ поверхность выровнять боронами такъ, чтобы сѣмена не слишкомъ глубоко засыпались землей.

Овесъ не боится глубокаго прикрытія и даже требуетъ его, хотя и для него хороша тщательная раздѣлка, но если хорошо разбороновать поле до посѣва, то можетъ не хватить земли для задѣлки сѣмянъ; поэтому иногда сѣютъ овесъ по пласту, тщательно обернутому и потомъ заборанивают. Лучшей обработки требуютъ изъ яровыхъ рожь, пшеница и ячмень. Подъ послѣдній нужно не только выровнять почву, но и порыхлить ее весной, если не отваливающимъ пластъ орудіемъ, то по крайней мѣрѣ экстирпаторомъ. Такого же порыхленія весной требуетъ гречиха, притомъ она еще менѣе боится недостатка влаги. Разрыхленіе подъ нее лучше производить не оборачивающимъ пластъ орудіемъ.

Найлучшія сѣмена для *посѣва*, это самыя крупныя и тяжеловѣсныя. Далѣе нужно, чтобы онѣ были по возможности зрѣлыя, той зрѣлости, которая наиболѣе обезпечиваетъ накопленіе питательныхъ веществъ въ сѣмени въ достаточномъ количествѣ для хорошаго развитія зародыша; а такой считается желтая зрѣлость. Перезрѣлыя сѣмена, болѣе твердыя, трудно сгибающіяся, хотя и лучше недозрѣлыхъ, но все же всхожесть ихъ замедляется. Сѣмена не должны быть тронуты процессомъ разложенія и сохраняться по возможности хорошо. Особенно это важно для проса, которое должно сохраняться въ сухомъ мѣстѣ и быть сухимъ, иначе быстро портится, дѣлается затхлымъ и теряетъ способность прорастанія. Такою же трудностью сохраненія отличается затѣмъ ячмень, сѣмена котораго легко пропитываются влагой изъ воздуха, дѣлаются затхлыми и покрываются плѣсенью. За ячменемъ по трудности сохраненія слѣдуетъ рожь. Ея сѣмена вообще сохраняются трудно и трудно сохраняютъ способность къ прорастанію. Легче сохраняются пшеница и овесъ, конечно, если они были убраны въ сухомъ состояніи. Для того, чтобы сѣмена могли хорошо сохраняться, онѣ должны быть выровнены и очищены отъ сора. Можно бы ихъ подсушивать въ видахъ сохраненія, но это опасно ввиду возможности утраты способности и силы прорастанія. Далѣе, необходимо, чтобы посѣвныя сѣмена были свѣжія, не старыя. Дольше всѣхъ сохраняютъ способность къ прорастанію пшеница и овесъ, затѣмъ ячмень, просо и менѣе всѣхъ рожь. Если и возможно сѣять двухъ и даже трехлѣтними сѣменами, то ввиду невозможности хорошаго сохраненія ихъ, слѣдуетъ безусловно предпочесть посѣвъ самыми свѣжими сѣменами; для яровыхъ значитъ—сѣменами собранными въ послѣднемъ году, для озимыхъ же нужно сдѣлать выборъ между полученными незадолго до посѣва и годовалыми. Можно сказать, что свѣжія сѣмена болѣе надежны въ томъ смыслѣ, что даютъ бо́льшій процентъ всхожести и сильнѣе развиваются растенія. Но затрудненіе состоитъ въ томъ, что хлѣба убираются въ іюлѣ, а въ августѣ производится посѣвъ, слѣдовательно остается мало времени для приготовленія сѣмянъ къ посѣву. Хотя въ общемъ возможно произвести посѣвъ сѣменами только что полученными, но встрѣчаются годы, когда это сдѣлать трудно, по крайней мѣрѣ своевременно. Это случается главнымъ образомъ въ сырые годы, когда задерживается уборка. Сѣмена вымолачиваются поздно, плохого качества и даже проросшія. Для такихъ случаевъ нужно хранить запасъ годовалыхъ сѣмянъ. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ употреблять для посѣва сѣмена болѣе, чѣмъ годовалыя.

Теперь нужно остановиться на *отборѣ посѣвныхъ сѣмянъ*. Выше были перечислены признаки, характеризующіе хорошія сѣмена для посѣва; для полученія ихъ существуетъ два пути: производить ихъ въ собственномъ хозяйствѣ и получать со стороны. Для рѣшенія вопроса, который изъ этихъ путей лучше, нужно выяснить, насколько собственныя сѣмена удовлетворяютъ требованіямъ, предъявляемымъ къ хорошимъ сѣменамъ. Послѣднія должны быть тяжеловѣсны, поэтому необходимо подвергать сѣмена изъ собственнаго хозяйства сортировкѣ и выбирать самыя тяжеловѣсныя. Можно сказать, что изъ всякаго урожая удается выбрать болѣе или менѣе хорошія посѣвныя сѣмена, удовлетворяющія по крайней мѣрѣ минимальнымъ требованіямъ. Теперь спрашивается, выгодно ли отбирать лучшія сѣмена для посѣва, понижая этимъ качество остальныхъ сѣмянъ, идущихъ на удовлетвореніе потребностей человѣка. Конечно, въ маломъ хозяйствѣ, гдѣ мало сѣмянъ, это труднѣе сдѣлать, чѣмъ въ большомъ. Но если преслѣдовать цѣль полученія хорошихъ сѣмянъ, то это можно сдѣлать не въ одинъ годъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ. Путь для этого,—улучшеніе всей массы сѣмянъ, получаемыхъ въ хозяйствѣ, посредствомъ хорошей обработки почвы, соотвѣтствующаго удобренія, рѣдкаго посѣва и хорошими сѣменами, очищенія почвы отъ сорныхъ травъ, полки растеній и проч. Но такъ какъ все это невозможно исполнить на большихъ площадяхъ, то нужно отвести особые участки, такъ назыв. сѣмянные, на которыхъ и производился бы отборъ найлучшихъ сѣмянъ. Выборъ мѣста для такого сѣмянного участка очень важенъ: это должна быть почва лучшая во всѣхъ отношеніяхъ, не свѣжеудобренная, а на второй и даже на третій годъ послѣ удобренія навозомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она легко засорялась бы, и вслѣдствіе свѣжаго удобренія хлѣбъ можетъ получиться соломистый, а сѣмена легковѣсныя, и толстокожія. Удобренія здѣсь нужно вносить искусственныя, фосфорнокислыя и азотисто-фосфорно-кислыя, напр. гуано, дефекаціонную грязь и т. д. Отбирая изъ полученнаго урожая каждый годъ сортировальными машинами лучшія сѣмена по вѣсу и по объему, можно черезъ нѣсколько лѣтъ достигнуть блестящихъ результатовъ и имѣть хорошія сѣмена для посѣва. Но такой способъ можно примѣнять въ томъ случаѣ, если сортъ хлѣба, имѣющійся въ хозяйствѣ, отвѣчаетъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ и удовлетворяетъ требованіямъ рынка. Если сортъ не отвѣчаетъ первому условію, то трудно и поддержать его, особенно въ неподходящемъ климатѣ, а съ почвой онъ все же какъ-нибудь примирится. Если же этотъ сортъ хлѣба воздѣлывается давно, то о несоотвѣтствіи его съ мѣстными условіями не можетъ быть и рѣчи и остается только выяснить, насколько онъ удовлетворяетъ требованіямъ рынка. Если сортъ такимъ требованіямъ не удовлетворяетъ, то можно улучшить его подборомъ, хотя это требуетъ много времени и труда. Для этого всегда на поляхъ можно найти отдѣльные экземпляры растеній, отличные отъ другихъ въ сторону требованій рынка: съ большимъ колосомъ, болѣе кустистые, болѣе урожайные, зерна ихъ болѣе полныя, тяжеловѣсныя, болѣе тонкокожія и болѣе скороспѣлыя. Отбирая такіе экземпляры въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, можно получить сѣмена хорошія для посѣва и удовлетворяющія требованіямъ рынка.

Но путь этотъ очень долгій и кропотливый. Можно сократить его, если обратиться за сѣменами въ мѣстности, гдѣ разводятся хлѣбные сорта, отвѣчающіе условіямъ даннаго хозяйства. О томъ, изъ какой мѣстности слѣдуетъ получать сѣмена, мнѣнія расходятся; одни хозяева говорятъ, что нужно брать сѣмена изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей, другіе—изъ болѣе южныхъ, третьи—съ горъ переносить въ равнины, четвертые—съ худшихъ почвъ на лучшія и т. д. Относительно перенесенія съ сѣвера можно сказать, что на сѣверѣ короткій періодъ произрастанія, въ продолженіе котораго растенія пользуются усиленнымъ освѣщеніемъ и сравнительно большимъ количествомъ тепла. Поэтому казалось бы, что если нужны скороспѣлые сорта, то слѣдуетъ обратиться за ними на сѣ-